

Книга третья трилогии "Летописец"

ЧЕТЫРЕ НАСЛЕДНИКА

16+

Юлия Ефимова

Летописец

Юлия Ефимова

**Летописец. Книга 3.
Четыре наследника**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ефимова Ю.

Летописец. Книга 3. Четыре наследника / Ю. Ефимова —
«ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Летописец)

"Дорога к трону куда легче, чем к реальной власти". Король Дайрус лишился трона и готовится его вернуть, в Сканналии назревает новая война, но эти проблемы ничто по сравнению с грядущей катастрофой. Древнее пророчество начало действовать, разрушая страну, и остановить беду сможет лишь кровь потомков Свенейва, связанная с магией предков.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Два отца	8
Глава 2. Власть и месть	13
Глава 3. Узники	23
Глава 4. Споры и разногласия	30
Глава 5. Мёртвая вода	36
Глава 6. Новый порядок	44
Глава 7. Дилеммы	49
Глава 8. Неожиданные открытия	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Пролог

Нортхед мало изменился: те же шумные улицы и снующие повсюду нищие, торговцы и ремесленники, но церковные колокола умолкли, хотя в это время они обычно звонили к вечерне. Несмотря на сумерки, во многих домах не зажигались огни, а стражники вызывали неподдельный страх – горожане испуганно косились на них и избегали как могли. Насколько она заметила, сами стражники держались группами по два-три человека.

Многие передвигались по улицам, прикрыв лица, поэтому капюшон, накиннутый на голову, не вызывал любопытства. Самая уверенно шагала ко дворцу по грязным весенним лужам, которые ручейками расползались в стороны от её шагов.

Она вошла в город незамеченной – через распахнутые Врата Покоя вместе с двумя похоронными процессиями: они как раз возвращались с кладбища, стараясь поспеть засветло. Из разговоров она поняла, что один из умерших находился среди гостей на балу во время Праздника Великого Дара. Его ранили при нападении, вчера он умер. Вторым был королевским стражником, однако Самая не заметила в толпе ни одного человека в форме королевской стражи. Впрочем, форма за время её отсутствия могла измениться. Вместе с процессией она миновала полупустую Волхидскую площадь. Судя по мусору, перемешанному с грязью, потрохами и нечистотами, здесь сегодня работали торговые ряды, но к вечеру никого не осталось.

Самая немного приотстала, свернув на бывшую улицу Св. Рагмира. Айварих переименовал её в Торговую улицу, а Дайрус так и не удосужился вернуть старое название. В народе после казни Катрейны её называли «Улица, ведущая на эшафот». Именно этой дорогой Катрейну везли от дворца до Волхидской площади.

Дворец охраняли привычные стражники в одежде цветов Дайруса – синих штанах и синих куртках с белыми полосками, – но знакомых встретилось немного. Самая из-под капюшона наблюдала за досмотром кареты, стоявшей у лестницы. Старый Игلسуд топтался рядом, ворча себе под нос. Марик Седой, очевидно, услышав нечто неприятное, бросил ему:

– Заткнись ты! А то я не забыл, как твой сынок, приняв присягу, наутро ушмыгнул к узурпатору, да ещё и других подговорил!

Игلسуд злобно зыркнул на Марика:

– Гордей мал слишком, чтобы кого-то подговаривать. Это его подговорили, а вы должны были их задержать! Я-то одинёшенек остался, мой сыночек, мой мальчик...

– Он давно не мальчик! – оборвал его Марик. – При встрече я отрежу ему его причиндалы и запихну в глотку. Надеюсь, Его Величество не будет возражать. – Игلسуд молча уставился в землю.

– Ладно, коли король согласился тебя принять, проходи, – Марик кивнул двум стражникам у входа – те расступились.

Игلسуд уже скрылся за дверью, когда Самая сняла капюшон и шагнула на нижнюю ступеньку.

– Ба, кого я вижу! – Марик снял коричневую бархатную шляпу и ехидно поклонился. Огромное грязно-серое перо прочертило лужу, вызвав смех стражников. Марик махнул шляпой в их сторону, капли грязной воды полетели в весельчаков. Смех усилился. – А мы-то думали, вы также бросились за узурпатором.

– Этого узурпатора вы сами когда-то посадили на трон, – спокойно заметила Самая.

– Пришлось, госпожа моя! Чего мне это стоило, вы представить не можете, – захохотал Марик и подошёл к Самойе так близко, что запах чеснока ударил в нос.

– Хотите и меня обыскать? – поинтересовалась она.

– Ну зачем же. Хочу проводить вас к королю лично, – с издёвкой заметил Марик. – Он спрашивал о вас.

– А почему бы не обыскать эту ведьму? – вмешался один из стражников. Самайя не знала его имени, но видела его однажды в форме городской стражи. Очевидно, он получил повышение за преданность. Стражник протянул руку к Самайе, она брезгливо отодвинулась, не делая попытки сбежать. Марик схватил стражника за руку, вывернув её так, что кость хрустнула. Мужчина заорал.

– Лапы прочь! – дыхнул Марик ему в ухо. – Не твоего поля ягода. – Он повернулся к остальным:

– Если кто посмеет её тронуть хоть пальцем, висеть вам на дереве, как вон ему. – Он ткнул в сторону виселицы, которая стояла напротив дворца. Голый окоченевший труп качался на верёвке, ворона на голове клевала лысый череп. Самайя узнала Грифа Проныру.

Дворец не изменился, исчезли лишь картины с изображениями эктарианских святых и иконы. Слуги тарасились на Самайю, не решаясь задавать вопросы. Она снова накинула капюшон.

Старый Игلسуд стоял в приёмной, рассматривая ворсистый ковёр и нерешительно поглядывая на кресло у окна. Марик бесцеремонно распахнул двери королевских покоев и втокнул Самайю в тронный зал. Игلسуд не поднял глаз.

Кэйрон во всём чёрном сидел на троне, на скамьях вдоль стен расселись человек десять. Они что-то оживлённо обсуждали. Помимо незнакомых людей Самайя увидела Захара из Малгарда, Фила Дурошлёпа, Боба-Следопыта, Галеба. И Сайрона Бадла в неизменных очках. Она даже в мыслях не называла его дядей. Он им не был – она поняла это слишком поздно. После смерти летописца Нистора у неё не осталось родных.

Тронный зал выглядел голым: со стен содрали всё, что содержало напоминание об имени или гербе Дайруса, а вот заменить чем-либо не удосужились. Или не успели. Судя по отколовшейся кое-где лепнине и разрывам на ткани обивки, с роскошным убранством, частично сохранившимся со времён Айвариха, не слишком церемонились. Даже пол умудрились повредить – Самайя едва не запнулась о дырку в паркете.

Самайя сняла капюшон и заметила, как зашевелились советники принца. Кэйрон вскочил с трона:

– Где ты шлялась две недели? – резко спросил он.

– Я ушла за королём Дайрусом.

– Зачем?

– Мне показалось, что ранен Райгард Сиверс. Я хотела собрать его кровь – у меня кончаются чернила. Я никого не нашла, потом увидела лесного стражника. Я помчалась прочь и заблудилась.

– Так ты знаешь, где Дайрус?

– Наверное, тоже в горах.

– Это я знаю! Но мои люди их упустили! – Самайя постаралась скрыть радость. Она понятия не имела, что творилось в Сканналии.

– Больше мне ничего не известно. Я едва не замёрзла, с трудом отыскала дорогу домой.

– Тогда пойдёшь и узнаешь у Летописи! – Кэйрон потёр правую руку: на ладони красовался след от сильного ожога. Наверняка он пытался открыть Летопись, отметила Самайя.

– Я могу сообщать полученные сведения только королю.

– Я и есть король! Завтра коронация!

Самайя пожала плечами:

– Вы можете надеть корону, но кровь Свенейва в ваших жилах не появится. Летопись подчиняется лишь ей.

Краем глаза она заметила хмурую поддержку со стороны своих знакомых. Волхиды вернули себе власть, подумала она, однако Кэйрон не из их числа – ему придётся многое узнать о стране, в которой он собрался править.

- Я уже наслушался о Летописи, оставь эту чушь для других! Почему ты вернулась?
- Летописец должен быть там, где Летопись.
- А ты не будешь тайком служить Дайрусу?
- Здесь его нет.
- Верно подмечено! Ты обязана теперь служить мне! Пойди узнай, нет ли в Летописи...
- Я не могу передать её ответ вам.
- Почему? Завтра я стану королём и...
- Ни сегодня, ни завтра. – Самайя видела: принц разозлился на её слова. Ей было всё равно. Слабость охватила всё тело – ей захотелось лечь в кровать и уснуть. Она безумно устала! Нет, так не пойдёт. Нельзя злить принца.
- Почему? – медленно процедил Кэйрон.
- Потому что это означает мою смерть и проблемы для страны, ведь назначить нового летописца сможет только потомок Свенейва. Думаю, вам под силу править самостоятельно, – она замолчала.
- Решила подольститься? – хмыкнул Кэйрон.
- Я говорю правду, от меня ничего не зависит. Вы правите Сканналией, но Летопись не станет вам служить. Думаю, ваши... советники подтвердят мои слова.
- Летописец прав, Ваше Величество, – сочный голос Захара, который так подробно когда-то знакомил Самайю и Райгарда с историей Летописи, слился с одобрителем поддакиванием Филадельфии. Кэйрон скривился и уселся на трон, оценивающе глядя на Самайю. Принц неглуп, знает, когда настаивать бесполезно. Она, по крайней мере, на это рассчитывала. Он должен ей поверить!
- Предлагаешь разделить обязанности? – Кэйрон задумчиво, даже весело, смотрел в её сторону. Да, он не дурак – это беспокоило её больше всего. Он не отступит.
- Вы правите страной, я пишу Летопись, – она склонила голову. Внезапно Самайю накрыла такая слабость, что она упала бы, не подхвати её Марик. Он подтащил её к скамье и усадил рядом с волхидами.
- Ты заболела? – подозрительно нахмурился Кэйрон. Самайя чувствовала, как кровь буквально застыла, потом её охватил жар, лицо запылало. Она попыталась ответить:
- Со мной всё в порядке, Ваше Величество, просто устала. Если позволите, я пойду к себе, отдохну, прежде чем вернуться к своим обязанностям.
- Кэйрон прищурился:
- А как насчёт Дайруса? Где гарантии, что ты не будешь тайком отправлять ему сведения?
- Я – летописец, а не шпион, – Самайя посмотрела ему в глаза. – Ваши дела меня не касаются. Я не смогу прикрыть вашу спину, но и нож в неё никогда не воткну! – Кэйрон удивлённо сощурился. Самайя надеялась, что он понял: она говорит чистую правду. Сумеет Дайрус вернуть трон или погибнет, она останется тут. Кто бы ни правил Сканналией, летописец не имеет права вмешиваться в ход истории. У неё нет на выбор даже двух дорог, только одна – прямая и бесконечная. Она будет вести летопись до самой смерти!

Глава 1. Два отца

– Что с тобой?

Райгард торопливо смахнул слёзы. Впервые за много дней у беглецов появилась возможность расслабиться. Райгард, выбравшись на улицу подальше от спутников, снова и снова прокручивал в памяти короткий бой у обрыва Марваги. Он не думал о себе, яростно отбиваясь от людей Кэйрона. Когда стрела поразила лошадь отца, Райгард попытался прорваться к нему, но двое напали на Марцию, и барон занялся ими. Дайрус приказал уходить. Те, кто остались без лошадей, прикрывали отход. «Уходи! – услышал он знакомый голос. – Спасай королеву!» Райгард не хотел слушать, однако из леса появились новые враги. Он зарубил очередного противника и помчался за конём Марции, оглядываясь на поле боя. Враги гнались за ними несколько часов. Позже снова завязался бой – на этот раз преследователей удалось уничтожить полностью. Пока они мчались на восток, потом на юг, Райгард отгонял от себя воспоминания, сейчас они навалились разом: он видел лицо отца, стоило только закрыть глаза. Он снова предал его, снова оставил одного! Райгард боялся представить себе, что случилось с Ноэлем дальше. В воображении отец то умирал на поле боя, то снова оказывался в руках палача. Райгард пытался понять, был ли другой выход, но любые оправдания казались жалкими.

Король и его спутники ели в тёплой комнате, грелись у камина, бурно обсуждая дальнейшие шаги. Райгард вышел на холод весенней ночи и сидел, прислонясь к холодной каменной стене. Звёзды расплывались перед глазами. Предсказание отшельника вертелось на языке – будь оно неладно. За что? Ему не нужна корона – ему нужен отец. Четыре года назад он уже считал его мёртвым – тогда весть оказалась ложной. Жив он сейчас или мёртв? Или ранен? А если отца доставили в Нортхед живым? Райгард боялся представить себе, что с ним сделают. Если бы не ответственность за жизни короля и королевы, он вернулся бы в Нортхед, но он не имеет права сбежать в такое время!

– Мне жаль твоего отца, – Дайрус уселся на крыльцо. – Пусть раньше я злился на него, он всегда много для меня значил. Ну там сказки рассказывал, учил всякому, да просто был рядом...

– Правда? – Райгард по-прежнему смотрел на небо. – Помнится, в нашу первую встречу ты хотел его убить.

– Ну, не убить, скорее... Я не понимал тогда...

– Чего?

– Что короли и их племянницы – тоже люди и совершают ошибки.

Райгард покосился на дядю.

– Сам себе удивляюсь, – усмехнулся Дайрус. – Но иногда только потеряв кого-то, понимаешь, как много он для тебя значил. По-моему, твой отец единственный, кто после смерти моего отца относился ко мне как к королю. Жаль, я в детстве не мог это оценить, потом злился из-за твоей матери.

– А теперь не злишься?

– Теперь нет, – Дайрус покачал головой. – Я пошлю человека обратно, пусть выяснит, что случилось. Если он жив, мы его вытащим. Я не забуду, как он спас мне жизнь. Дважды. Нет, трижды: в детстве, потом во время клятвы и ещё раз – на этом чёртовом празднике.

Кажется, впервые они говорили не как король и его подданный, а как... родственники.

– Что решили? – спросил Райгард, чтобы не молчать.

– Да чего решать? Горцы не торопятся с поддержкой. Многие пока не осознали, что происходит, но это ненадолго. Рургард полыхнёт снова.

По просьбе Райгарда их приютил клан Антилоп Орчиса Андагора. Марция приняла приглашение, хмуро покосившись на его шлем с изогнутыми рогами. Антилопа был символом богини Луады, хотя на шее Орчиса висела золотая струна с ликом.

Дайрус отправил гонцов из местных по всем кланам с требованием прислать послов в Корнхед. Наверняка далеко не все согласятся. Вот если бы их попросил Георг...

– Ты не знаешь, что случилось с Георгом Ворнхолмом? – на всякий случай спросил он.

– Нет, – Дайрус покачал головой. – На балу я его не видел.

– Ванда упомянула, что он заплатит ей за смерть Макса. Думаешь, он в её руках?

– Если так, ему не позавидуешь, хотя ещё недавно многие сказали бы иначе, – очевидно,

Дайрус пытался пошутить. Райгарду шутка не понравилась. Если Ванда – сообщница Кэйрона, значит, Георг в руках скантов. Именно он раскрыл тайну чаросы и портретов. Что его ждёт?

– Сколько осталось до Корнхеда? – поинтересовался Дайрус.

– С неделю. – Само расстояние было небольшим, но предстояло идти по горам. – Боюсь, Кэйрон в курсе, где мы.

– Откуда?

– Из Летописи.

– Ты не знаешь, что говоришь, – засмеялся Дайрус. – Кэйрон не сможет использовать Летопись.

– Почему?

– Он – не потомок Свенейва, – как само собой разумеющееся заявил Дайрус.

– Если он это знал, – задумался Райгард, – то наверняка предусмотрел, как это поправить.

– Конечно, он предусмотрел! Он собирался убить меня и жениться на Марции. Это же очевидно! Он всегда за ней бегал!

Да, Дайрус прав. Успешный побег избавил Марцию от дяди. Отчего-то Райгарду полегчало.

– Как она?

– Всё время перечитывает письмо матери.

– А это не подделка?

– Нет. В письме сказано, что король ГиEMON умер от удара, Маэрина стала регентом при младшем брате Марции и правит в Барундии. Я предложил Марции послать гонца к матери с просьбой о помощи – она отказалась. По-моему, это идиотизм. Маэрина не поставит дочь выше брата мужа. Хотя, если Кэйрон сообщил Маэрине...

– Что сообщил?

– Ничего, – Дайрус поднялся и открыл дверь. – А кстати, о чём ты хотел со мной поговорить?

– Когда?

– На балу ты просил меня о встрече.

Райгард и забыл об этом. Верно! Он хотел утвердить свои права, своё наследие. «Может, ты мечтал вернуть себе имя Кройдомов? – зло спросил он сам себя. – Имени отца тебе всегда было мало!»

– Теперь это неважно, – выдавил он. Дайрус кивнул и зашёл в дом. Райгард ещё долго сидел на крыльце, не замечая холода и начинавшегося дождя. Кому теперь нужна эта тайна? Отец, возможно, мёртв, Георг, наверное, тоже, Летопись в руках Кэйрона. Предсказание наполовину сбылось, однако цена слишком высока. Райгард сжал кулак: он никому ничего не скажет!

«За отравлением стоял твой отец!», «ГиEMON не хочет, чтобы Сканналия была отдельной страной», «Ему плевать на тебя!»

Марция трянула головой – слова Кэйрона никуда не делись. Они проступали даже на столешнице грубого деревянного столика, на котором стояла наполненная едой тарелка. Сегодня Марция не ужинала со всеми, желая остаться в одиночестве. У неё не нашлось сил обсудить, как быть дальше. Что тут обсуждать, в конце концов? Надо сначала добратся до Корнхеда, решила она и предоставила мужчинам договариваться, как это лучше сделать, а сама отправилась в небольшую тёмную спальню – перечитать письмо матери. Рулет из телятины с морковью и фасолью ей принесли в комнату. Запах мяса и овощей вызывал тошноту, хотя она уже не помнила, когда в последний раз ела как следует. Кажется, на балу.

Утверждения Кэйрона много недель беспокоили Марцию – она отгоняла их прочь. Подтвердить их доказательствами дядя не смог. Не удалось это и ей из-за побега Дима в Малгард. Она убеждала себя, что Кэйрон лжёт ради своих целей. Увы, письмо матери почти рассеяло сомнения. Марция знала Маэрину: ради семьи она способна на многое. Но ей в голову не приходило, что защищать семью потребуется от отца. В это поверить оказалось непросто. Лишь услышав о его смерти, Марция поняла: Кэйрон говорил правду.

«...жаль в трудное для тебя и твоей страны время наносить тебе ещё один удар, но я не хочу, чтобы ты узнала об этом от кого-либо другого. Твой отец мёртв, сердечный приступ настиг его...»

Приступ! Марция много раз перечитала ровные строчки, рассказывавшие о смерти отца и его похоронах, на которых присутствовал король Лодивии Урмас Десятый. Сухие фразы матери, ни единой слезы на бумаге. Марция была уверена: мать не плакала на похоронах отца. Хуже всего, Марция и сама не могла плакать. После первого заявления Кэйрона она сомневалась – новые сведения многое меняли. Неужели отец хотел смерти её мужа? Неужели хотел и её убрать с пути ради мечты о Великой Барундии?

Марция сжала голову – её распирало от мыслей, чувств и страха. Она боялась поверить и боялась не узнать правды. Убила мать отца, или всё же это чудовищная ложь? Если бы в письме было побольше подробностей, Марция, наверное, поверила бы матери, а не дяде. Маэрина, однако, не упомянула об обстоятельствах смерти. Она ни о чём не упомянула, кроме факта смерти и похорон. Голова закружилась, Марция присела на скрипучую кровать, укрытую грубым шерстяным покрывалом. Она тут же поднялась, заметив приоткрытую дверь, – слуга, приносящий еду, забыл её закрыть. Она хотела позвать кого-нибудь, но спохватилась: слуг в доме Орчиса Андагора насчитывалось немного, и все занимались гостями. Её собственные слуги остались в Нортхеде. Марция неохотно поднялась, сделала несколько шагов к двери. Снова закружилась голова – ей показалось, что она вот-вот свалится на пол. Сквозь звон в ушах она услышала испуганный голос:

– Ваше Величество! Вам плохо?

Она почувствовала, как чьи-то руки обхватили её за талию, потом кто-то её поднял, осторожно положил на постель. Она на мгновение прикрыла глаза в надежде, проснувшись, обнаружить себя в Нортхеде, где всё будет как раньше. Но эта душевная слабость длилась куда меньше слабости физической. Марция посмотрела на невольного помощника. Райгард Сиверс, нахмурившись, всматривался в её лицо. С его мокрых волос стекали капли дождя. Она хотела по привычке отвернуться, но почему-то вместо этого посмотрела ему прямо в глаза. Она не обнаружила там ни отвращения, ни раздражения. Только усталость, беспокойство и... Да, кажется, он плакал. Глаза покраснели – она видела это даже при тусклом свете закопченной лампы на полке у двери.

– Я позову лекаря.

– Благодарю вас, не стоит. Я просто... просто давно не ела. – Она кинула быстрый взгляд на рулет и сглотнула. Есть по-прежнему не хотелось, но иметь дело с местным лекарем... Чтобы её осматривал незнакомец? Да ещё язычник? По мнению Марции, местные знахари поклонялись двенадцати богам, чароса пришла из Рургарда. Нет уж, лучше поесть и лечь спать.

– Тогда я позову слуг, – нерешительно предложил Райгард.

– Не надо, прошу вас, пусть слуги обслуживают короля. Вы его видели?

– Да, мы посидели на крыльце, – неопределённо сказал Райгард и помог ей добраться до стола. Она чувствовала жар его пальцев сквозь грубую ткань платья. Её собственное белое платье из тафты пришлось отдать в починку, а пока вождь Орчис предложил ей переодеться в одежды его жены. Марция выбрала длинное сатиновое платье с продольными разрезами по бокам, узкую коричневую нижнюю юбку и кожаный пояс с кисточками на концах. Платье ей не слишком нравилось, однако привередничать не время.

– О чём вы говорили? – спросила Марция, чтобы не молчать. Она не спешила садиться за стол, опираясь на руку Райгарда. В нём она чувствовала силу, в которой нуждалась сегодня не меньше, чем в пище.

– Его Величество пообещал отправить человека в Нортхед узнать, что с моим отцом.

Так вот в чём дело! Она мысленно укорила себя за недогадливость. Конечно, он думал об отце.

– Надеюсь, с ним всё хорошо, – он кивнул, наверняка ощутив её неуверенность:

– Спасибо, Ваше Величество. Позвольте выразить вам соболезнования. Ваш отец...

Его пальцы сжали её руку, она поневоле сжала её в ответ. Да, оба их отца мертвы. Наверное, Райгард не слишком верит в спасение Ноэля, делая вид то ли ради неё, то ли ради себя. Он цеплялся за свою веру, а вот она... Её вера дала трещину. Она не хотела думать о Гиомоне сейчас.

– Благодарю, барон, за всё, что вы сделали для нас с мужем. Если бы не вы и ваш отец...

– У неё пока не было возможности это сказать. Сейчас они одни, ей хотелось поговорить с кем-то и отвлечься от собственных переживаний. – Я очень высоко ценила господина Сиверса. – Кажется, Райгард слегка удивился. – Я не так хорошо его знала... – Она вспомнила первый вечер в Нортхедде, разговор с Ноэлем о тайнике Катрейны, вязкую тьму Тёмной галереи, его фразу о покое и тишине после бури. В глазах отчего-то защипало, она как наяву увидела пожилого мужчину с седой бородкой, который никогда не отворачивался от неё, как другие мужчины. На мгновения рядом возник образ Гиомона – сильного, высокомерного, жёсткого, – но тут же пропал. Родной отец пытался убить её мужа, чуть не отравил собственную дочь, а отец Райгарда без громких слов помогал, ничего не требуя взамен. Он пожертвовал собой ради всех них – вслух она этого не сказала, хотя грохот реки, крики и звон стали помнила отчётливо. Он остался, чтобы они могли уйти. И умер там. Марция надеялась, что Ноэль обрёл покой. Она смахнула слезу – вторая и третья уже катились из глаз. Увидев перед глазами платок, она выхватила его из рук Райгарда. Он придерживал её за локоть, пытаясь усадить на стул – Марция притянула его к себе, уткнулась ему в плечо. Он застыл, потом осторожно обнял её, дожидаясь, когда она успокоится.

– Ваше Величество, простите, если я снова напомнил вам о вашем отце...

Она едва не засмеялась – зло, истерично. Об отце? Она даже не знала, радовалась его смерти или сожалела о ней. Вот Райгард горевал по отцу! Она на мгновение испытала жгучую зависть: она не могла любить Гиомона так же. Слезы покатились сильнее. Что она за дочь? Что она за эктарианка? Неужели Кэйрон прав? Но мать всё равно не имела права убивать... Нет, этого не могло быть...

– Сочувствую вашей потере, – хриплый голос Райгарда донёсся будто издалека. Она подняла голову, совсем рядом увидев его лицо и чёрные глаза.

– Я тоже сочувствую вашей, – прошептала она. – Помогите мне лечь, прошу вас.

Райгард поколебался, потом решительно поднял её на руки и донёс до кровати. Он уложил её на покрывало, и, наклонившись, поцеловал в мокрую щеку – ту, которую изуродовала болезнь.

– Спасибо за ваши слова, – пробормотал он, пообещал прислать служанку и быстро вышел. Марция грустно посмотрела ему вслед. Похоже, Райгард Сиверс так и не понял, что они оплакивали одного человека. Она сожалела о смерти Ноэля, а вот оплакать собственного отца не смогла. Как не могла оправдать преступление матери.

Глава 2. Власть и месть

– Они прибыли в Корнхед, Ваше Величество.

Кэйрон ещё не привык к титулу и готов был слушать его до бесконечности. Кэйрон Первый, по воле богов король Сканналии. На недавно проведённой коронации присутствовали все горожане, многие прибыли издалека. Особой радости сканналийцы не выражали, тем не менее присягнули новому монарху. Кэйрон проследил, чтобы баронские роды прислали заложников: около сорока мальчиков, девочек и юношей останутся в Нортхеде в залог покорности их родных. В благодарность Кэйрон запретил стражникам ловить попов-эктариан и зарианцев, пообещал оставить несколько работающих храмов и почаще развлекать людей ярмарками и публичными казнями. Правда, по поводу храмов на Королевском Совете возник спор: Захар с Мариком Седым выступили против подобной свободы, Кэйрона поддержали Сайрон Бадл и Боб. Кэйрон уже не в первый раз замечал: между скантами нет единого мнения. Иногда вопросы решались большинством голосов, голос Кэйрона считался наравне со всеми. Он предпочитал не протестовать слишком громко, особенно перед Мариком. По крайней мере, пока.

– Сколько понадобится времени, чтобы начать осаду Корнхеда? – спросил Кэйрон. Он до сих пор не мог простить страже побег Дайруса и Марции. Многие лишились не только постов, но и голов в День Великого Дара. О смерти некоторых – например, Грифа Проныры, – Кэйрон жалел. Не стоило разбрасываться верными сторонниками, когда вокруг столько врагов.

– Можно направить вашу армию немедленно, – предложил Марик. Под армией Кэйрона понимали солдат Гиёмона и моряков с кораблей Северной гавани.

– Ежели мы так поступим, Нортхед лишится защитников и окажется добычей горцев, – возразил Захар. Среди солдат Квинта Беллгора были люди его дяди барона Таурина Беллгора и остатки мятежников Макса Мэйдингора. Они вели себя в Нортхеде не менее нагло, чем солдаты Гиёмона. Пока их кровожадные порывы удавалось сдерживать благодаря обещаниям и силе.

– Лучше уж подобрать остатки Гиёмоновой рати на юге и наслать их на Корнхед, – предложил Захар.

– Эта так называемая армия рассеялась по стране, грабит всех подряд, насилует всё, что шевелится, – возразил Кэйрон. – Как вы их соберёте?

– Давеча в деревне под Четвортом две дружины Гиёмона поспорили промеж собой из-за того, кому остаться на постой. Они умертвили друг друга, деревенские покидали тела в овраг, – сказал Захар.

– Летом там будет вонять, – засмеялся Фил.

– Раньше их сожрут звери, – бросил Боб.

– Кроме того, армия не воюет бесплатно, денег же в казне почти нет, – усмехнулся Марик, презрительно глядя на Кэйрона. Он не простил королю казни Грифа Проныры.

Кэйрон раздражённо откинулся на спинку трона, где только вчера заменили, наконец, обивку с гербом Дайруса на вытканый серебром атлас без рисунка: старый герб раздражал нового короля неимоверно. На остальное требуется время. И деньги. Тронный зал выглядел как оборванец – сканты славно порезвились в День Великого Дара и после него. Кэйрону не нравилось любоваться на ободранные стены, он предложил хотя бы повесить их картинами и шпалерами. Захар отделался обещаниями подумать, Сайрон Бадл заявил, что разместит нужные заказы на собственной мануфактуре.

– У нас мало времени для сбора армии, – обратился Кэйрон к Захару. – Не стоит забывать: как только сведения дойдут до Маэрины, она постарается помочь дочери и зятю. Мы должны поторопиться!

– У королевы Маэрины изрядно своих забот, – вставил Захар. Остальные сканты закивали.

Кэйрон наблюдал за ними с раздражением: его мнение их словно не интересовало. Стоило гнаться за короной, чтобы все дела решали другие! Тем не менее, он восхищался деловитостью и активностью скантов.

Они обговаривали с ним будущее устройство Сканналии ещё до Дня Великого Дара – тогда он не слишком вникал в суть их требований, потому что мало верил в их способность довести дело до конца. Однако постепенно Кэйрон понял: он имеет дело не с любителями, а с очень опасными людьми. Прежде всего, они знали обо всём, что происходит в Сканналии и за её пределами. Хвалёная Летопись вряд ли могла бы состязаться со шпионской сетью скантов, охватывавшей огромные территории, включая сиротливо разбросанные по горам форпосты. Сканты имели развитую систему связи, получали сообщения с невероятной быстротой. У них всюду были гонцы, готовые сорваться в путь, подмены лошадей, почтовые голуби, сигналы в горах. Они не использовали письма, даже шифрованные, хотя система тайных знаков у них имела, причём эти знаки постоянно менялись. Ни один из скантов не делился с Кэйроном подробностями, именами шпионов, однако новости о взрывах недовольства, мятежах, распрях среди эктариан и зарианцев они получали почти без промедления.

– Не пойму, почему эти идиоты до сих пор торчат в Сканналии! – Кэйрон и впрямь не понимал.

Фил снова засмеялся – он вечно смеялся, даже на повешении того придурка, который привёз новость о смерти старшего Сиверса.

– Я сказал что-то забавное? – холодно спросил Кэйрон.

– Никак нет, Ваше Величество, – поклонился Фил. Его поклон показался Кэйрону издевательским. – Я-то лишь говорю, что они находятся в Сканналии, потому как нужны нам.

– Нам?

– Ну, они выполняют определённую работёнку и неплохо справляются, правда же? – подмигнул Фил.

«Вот кого бы я повесил с удовольствием», – недовольно подумал Кэйрон, брезгливо глядя, как Фил демонстративно чмокает губами. Кэйрон повернулся к Захару:

– О чём он? – Захар мог бы понравиться Кэйрону, если бы на его фоне король не чувствовал себя младенцем из колыбели.

– Ведаете ли вы, как Маэрина прознала, что её супруг содействовал отравлению дочери? – медленно начал Захар. Кэйрон вздрогнул. Сам он поначалу винил в отравлении Дайруса, но слишком уж тонкая была игра. Рука Гиёмона ощущалась намного явственнее. Смушала лишь цель – Марция вместо Дайруса. Потом, когда Марик нашёл яд и оказалось, что он предназначался королю, да и куплен в Барундии во время приезда туда Сильвестра, Кэйрон впервые по-настоящему задумался о вине Гиёмона. Клятва, которую едва не дал Дайрус, убедила его в невиновности одного короля и вине другого. Кэйрон вспомнил о Диме. Это казалось логичным. Когда Маэрина откуда-то узнала о вине мужа и убила его, Кэйрон перестал сомневаться. Однако всей правды он не знал.

– А вам это известно? – спросил он Захара. Неужели сканты и к этому приложили руку?

– Вестимо, – пожал плечами Захар. – Это мы отдали ей Сильвестра, а уж она вывела у него всё, прежде чем скормила псам.

Кэйрона передёрнуло. Захар говорил об этом совершенно спокойно, словно намекая королю о чём-то совсем ином. Может, о судьбе Криса? Николь с восторгом рассказывал Кэйрону о смерти сына Айвариха, о том, как собаки поедали его кишки. Николь ещё не знал, что сам погибнет ради того, чтобы Марик получил его должность. Услуга за услугу. Жизнь Николя за склянку маруния. Тогда Кэйрон не понимал: его тоже используют. Если бы не смерть Макса, неизвестно, где валялся бы сейчас его собственный труп.

– Значит, это вы его похитили? Как? – Сильвестр, отправившись послем к Гиемону почти год назад, пропал вместе с кораблём.

– Это наше дело, Ваше Величество, – отрезал Захар. – Но мы и прежде обладали нужными уликами. Мы добавили их, дабы выглядело достовернее.

– Что за улики?

– В некотором роде, свидетельство измены, бумага касательно первого, неудачного, похода Дайруса. Он был мышеловкой для принца, в чём самолично сознался ГиEMON в тайном письме к Урмасу. Окромя этого кое-кто из дворцовой челяди короля Лодивии немало порасказал любопытного о притязаниях Урмаса Десятого на земли Стефана Фангарского, ГиEMона – на его флот и брак Марции с Айварихом, Айварих заполучил бы...

– Дайруса. Интересный получился триумвират. – Как много нового порой узнаёшь в ответ на незначительный вопрос. Кэйрон уже не знал, что услышит дальше.

– Ненадолго. После избавления Дайруса от верной гибели союз распался. ГиEMону достался флот, Урмасу – земли, Айварих остался у разбитого корыта. Посему он заместо Марции избрал Торию, затеял реформы, тем самым изрядно нам подсобив. ГиEMону, дабы сделать дочь королевой, пришлось раздобыть племяннику трон, хотя пользоваться им долго ГиEMон бы Дайрусу не позволил. Его замысел рухнул: пострадал не Дайрус, а Марция. Маэрина, проведая о делах мужа, затребовала его назад в Барундию по причине приезда Урмаса. Король ГиEMон отправился восвояси, отдав армию в наши руки.

– В ваши? – Кэйрон решил бы, что это шутка, но шутить Захар не любил.

– Вестимо. Осталось наставить её на путь истинный.

– Грабить и насиловать? – Почти полгода именно эти «подвиги» составляли славу армии ГиEMона.

– Разделять и властвовать, как завещал один древний правитель, – Захар невозмутимо посмотрел на Кэйрона. – Дабы возратить власть, нам требовалось разделить страну на орды воюющих промеж собой солдат, крестьян, ремесленников, священников, женщин, детей. Все супротив всех. Люди утратили бы веру, их обуял бы страх и неуверенность в грядущем. Все винили бы в этом короля Дайруса. С его дозволения солдаты ГиEMона разбойничали в стране, он в слабости своей и безумии не остановил кровавый разгул, его нерешительность раздираала страну на части. Имя Дайруса уже проклинают во многих городах и весях, как наемни проклинали имя Айвариха, а пред тем – Райгарда.

– Вы всё это проделали специально? – с любопытством спросил Кэйрон. Он до сих пор плохо понимал, как им столько удалось добиться.

– Мы уразумели, что чем более тягот у населения, тем менее люди верят королю и мешают нам. Ежели все возьмутся за оружие – даже простые вилы, – остановить их сможет лишь сила, которой Дайрус не обладает. Эктариане и зарианцы должны биться друг с другом, деревенские против городских, одно село против другого, горцы против помещиков равнин – только так мы могли возратить отнятое у нас! – напористо закончил Захар. Его широкое лицо раскраснелось.

– Чем хуже, тем лучше, да? – король задумался.

Кэйрону доводилось слышать о планах ГиEMона и Маэрины, придумывать свои – этот превосходил самые циничные идеи. А ведь сканты ещё и довели до безумия трёх королей! Да, они веками шли к власти! Кэйрон это понимал. Он сам был такой, они же буквально свернули горы, разверзли землю и околдовали целую страну. При этом никакого волшебства, Летопись не помогала им, лишь показывала силу древней магии тем, кто давно о ней забыл. Сделай они один неверный шаг, Летопись могла их погубить.

Из догадок и обрывистых признаний Кэйрон составил более-менее цельную картину, но на ней оставалось много белых пятен. Сканты пытались овладеть разумом Эйварда, потом отступили, затем повторили этот трюк с Айварихом и Дайрусом. Кэйрон не знал, имеют ли они

отношение к приходу Айвариха к власти, но, начиная со смерти летописца и первого похода Дайруса, они стояли почти за всеми важными событиями в Сканналии. Ни Истинная Летопись, ни королевские шпионы ничего не заподозрили.

Чем больше открывался Кэйрону заговор скантов, тем более восхищался он этими людьми, понимая одновременно, что он для них – пешка, как Эйвард, Айварих или Дайрус. При первой встрече Захар подтвердил: сканты планировали поднять Рургард, недовольный нападениями солдат Гиёмона на свои земли, и посадить Макса на трон. Младший Мэйдинггор поддерживал веру предков и злился на Дайруса, не признавшего его наследных прав. План рухнул из-за глупости Макса, который не сумел объединить кланы против короля – вместо этого отдал победу Ворнхолму и погиб сам. Кэйрон много узнал с того времени, как захватил Нортхед, но важнее разобраться, что делать дальше.

– Вы просмотрели мой список? – Кэйрон чувствовал себя идиотом, обращаясь на «вы» к кому-то из скантов, тем не менее, иначе говорить он не мог. В его сознании Захар не был личностью сам по себе, только вместе с Филом, Бобом и ещё неизвестно кем. За каждым из них словно стояла целая толпа, именно к ней обращался любой вопрос. Кэйрон не знал, сколько их, где они находятся, и боялся, как бы они его не принесли в жертву богам, если он им не угодит. Поэтому, наверное, он написал список, который сейчас вертел в руках Захар.

– Ваше Величество изволит включить баронов в Королевский Совет? – спросил скант.

– Тех, кто принял присягу, – Кэйрон включил в список не только их, ожидая торга. – Эти люди знают своё дело, а дел предстоит много. – При всей осведомлённости скантов, немногие из них имели опыт управления государством. Краск проник на самый верх благодаря заслугам предков, но он мёртв, его род прервался. Бадл умеет управлять мануфактурой и деньгами, однако беспомощен, когда речь идёт о флоте, дипломатии или дворцовой канцелярии. Кэйрон хорошо составил список и дал скантам время убедиться: помощь им необходима.

– Мы обговаривали, что в Королевский Совет войдут только сканты.

– Мы можем реформировать Совет, – предложил Кэйрон. – Бароны займутся своими обязанностями, вы будете утверждать принятые решения. Я могу поставить любого из вас руководить Монетным двором, но если в итоге страну наводнят фальшивые монеты, нас ждёт медный бунт – на Дайруса его свалить не получится. Лучше поручить это барону Узенреку.

Честер Узенрек при Дайрусе не успел стать главой Казначейства, сейчас этот пост вернул себе Бадл. Монетный двор как раз подойдёт барону. Узенреки вообще неплохо разбирались в финансах – среди их предков были ростовщики. Но главное богатство барона составляла дочь Оливия, обручённая с Эйвардом Ривенхедом. Эйвард сбежал, Оливия стала заложницей Кэйрона, гарантией того, что её отец не натворит глупостей. Барон, надо сказать, всё понял правильно и не лез на рожон. Точно так же мать юного барона Холмкреста Сиэлла согласилась представлять сына. Барон Данрог после гибели сына Сигурда во время захвата дворца так обезумел от горя, что даже не возражал против присяги. Кэйрон не хотел смерти Сигурда – чем мог помешать жалкий пьяница? – но в День Великого Дара тот напился и попытался бутылкой убить Осмунда Благочестивого. Осмунд ненавидел спиртное и, вырвав бутылку, ударил ею по голове Сигурда. Сын барона валялся в луже вина, слуги не сразу заметили, что он мёртв. Кэйрон потрянул головой, отгоняя воспоминание о неподвижном лице Сигурда, покрытом потемневшей коркой вина наполовину с кровью. Лучше вернуться к обсуждению назревших вопросов о новом составе Совета.

Кэйрону нравилось в скантах одно: с этими людьми можно говорить без экивоков. Они умели слушать порой нелюбезные вещи. Кэйрон повесил бы всякого, кто посмел бы усомниться в его талантах. Захар и другие выслушивали любую критику, принимали её к сведению, хотя решали всегда сами.

– Мы поразмыслим над этим, – Захар сунул список фамилий под выцветшую кожаную куртку с подкладкой, протёртой до дыр. «Тебе не помешало бы также найти приличного порт-

ного», – неприязненно подумал Кэйрон. Его раздражало, что люди, претендующие на высшие посты, ходят почти в обносках. Только Бадл из тех, кого он знал лично, выглядел достойно дворца; остальные то ли по привычке, то ли из безразличия, не старались соответствовать месту, куда попали.

– Прежде чем мы решим, брать ли их в Совет, посмотрим, на что они годны. Нам нужны люди для осады Корнхеда? Ну так пусть бароны не жмутся. Пусть дадут людей. А то как бы мятеж тут не устроили. Отправим всех опасных типов подальше, – предложил Марик.

– А горцы Квинта? – спросил Кэйрон.

– Ну дак Квинта пошлём в Рургард. Нечего ему тут околачиваться, правда? Пущай переманит кланы на нашу сторону, объяснит им суть да дело, – вставил Фил. – Ну а мы глянем, на что он способен, предан ли нам. В Рургарде пока нет вождя, вот и пообещаем ему титул барона, ежели управится, верно я говорю? А то там уже начинают молотить друг друга.

Захар и Боб кивнули.

– Как быть с храмами? – этот вопрос пока подробно не обсуждался, хотя сканты дали понять: они ждут от Кэйрона сочувствия их вере.

– Ими мы займёмся сами! – отрезал Захар. Кэйрон нахмурился: он обещал баронам оставить часть храмов.

– Собираетесь их уничтожить по примеру Айвариха?

– Айварих преследовал свои интересы. Он содеял малую толику того, что должен был!

Кэйрон посмотрел на Захара с любопытством: неужели и к этой войне они приложили руку? Насколько Кэйрон уяснил из поездок по стране, жители часто сами не понимали, кто они – эктариане или зарианцы. Из-за этого нередко возникали драки, подогретые провокациями и многочисленными проповедниками. Сколько из этих провокаций устроили сканты, сея сомнения в едином Боге? На что они шли, лишь бы древняя вера вновь проросла на земле Сканналии? Многие жители страны и раньше поминали языческие времена, после суда Истинной Летописи над Маей и Холлардом Ривенхедом это стало повсеместным явлением. Даже священники не всегда могли усмирить суеверный страх людей перед магией скантов, которая предстала их глазам в день смерти Катрейны. В тот день, полагал Кэйрон, сканты начали наступление.

Кэйрон сам видел этой зимой в Малгарде, как священник местной церкви пытался звать к толпе, слушавшей язычника. Священник требовал от людей не слушать ересь, однако языческий проповедник оказался не промах и так настроил толпу против священника, что тот едва ноги унёс. И всё же Кэйрон считал: время ещё не пришло. Слишком крепко засели в умах людей догматы старой церкви. Эктариане умирали ради них на кострах при Айварихе, зарианцы – при Марции.

– А что собираетесь делать вы? – прищурился Кэйрон, глядя на Захара.

– Перво-наперво, вы выпустите эдикт, гласящий: вера предков – не ересь. Мало-помалу мы уравнием наших богов с Богом эктариан и зарианцев, опосля предложим выгоды тем, кто примет нашу веру.

– Ни одна страна не поддержит Сканналию. С ней будут воевать зарианцы и эктариане. – Собственно, это беспокоило Кэйрона особенно сильно. Барундию из страха могут поддержать и Лодивия, и Шагурия. Чего доброго, они объединятся ради победы. Чёрт, нужно вернуть Марцию любой ценой, тогда говорить с Маэриной станет проще!

– Да не парьтесь, всякий, кто сунется к нам, вляпается в большие проблемы, – весело заявил Фил.

Заседание продолжалось несколько часов: они обсудили посевную, отношения с горцами, работу мануфактур и рудников. Кэйрон предпочёл бы знать их планы относительно собиравшегося в Корнхеде двора Дайруса и Марции, но Захар дал понять: пока не время это обсуждать.

Оставшись один, Кэйрон почувствовал, что вспотел. Ему ещё не приходилось вести подобные беседы. В Арпене он давал советы, которые ГиEMON почти никогда не слушал, Маэрина слушала – в постели – и, если они ей нравились, выдавала за свои. При дворе Дайруса с ним не считались, теперь он на самом веру, его имя будут связывать с грядущими реформами, удачами и поражениями. Кто узнает, что решения принимал не он?

Кэйрон сегодня впервые понял: у скантов нет нормального плана по возвращению к власти. Это вызывало изумление. Столько лет подготовки, столько сил потрачено, столько сделано, чтобы получить власть ради власти? Один мудрец из Латеи говорил Кэйрону: власть легче завоевать, чем удержать. Он не раз убеждался в правоте этих слов. Сканты участвовали в свержении Айвариха и Дайруса, но одно дело натравливать людей друг на друга, другое – попытаться их объединить. Смогут ли они? Или предпочтут вырезать недовольных? Захар настаивает на уничтожении эктарианства, что вызовет лишь хаос, новый раскол и войну. К счастью, Бадл убедил Совет не делать поспешных шагов.

Кэйрон ненавидел эктарианство. Лицемерное, насквозь фальшивое, неоправданно жестокое. Его раздражали костры, охота на ведьм, борьба из-за idiotских разногласий между разными эктарианскими и зарианскими общинами. Когда Айварих преследовал эктариан в Сканналии, Маэрина возмущалась разрушением монастырей, Кэйрон поддакивал ей, хотя в глубине души считал: их давно пора сравнять с землёй. Школы, библиотеки, скриптории можно перенести в университеты или сделать самостоятельными, земли и богатства использовать на пользу делу, а не для того, чтобы кормить свору бездельников и развратников. Автор одной забавной книжки – в Барундии её запретили за nepотребство по личному приказу Маэрины – сравнил монастыри с отхожим местом, которое настолько воняет, что должно быть подальше от жилых помещений. Кэйрон был с ним полностью согласен.

«Прощай, сын мой!» – услышал он голос матери. В первый и последний раз он увидел её именно в эктарианском женском монастыре, куда его принесли после ранения в Шагурии. Монастырь находился на самой границе между Шагурией и Барундией. Кэйрон оказался там случайно, когда открылась рана в боку по дороге домой. При монастыре организовали небольшую лечебницу, где монашки выполняли роль сестёр. Одна из них, думая, что он без сознания, обратилась к настоятельнице с просьбой позволить матери увидеть сына. Та велела монашке молчать, отослав её прочь. Больше ту монашку не присылали ухаживать за ним. Только сморщенных и хмурых старух, которые на любой его вопрос отвечали молчанием или уверяли, будто ни о чём таком не слышали. Придя в себя, Кэйрон начал размышлять, не почудились ли ему слова монашки. Внезапно он уловил шёпот в темноте:

– Ваша милость, я должна с вами поговорить, – это был голос той самой монашки.

– Кто вы?

– Моё имя не имеет значения. Я просто хочу, чтобы её душа упокоилась с миром.

– Чья?

– Вашей матери.

– Но она умерла очень давно. – Через несколько лет после его рождения, как он всегда считал, а потому он и теперь не знал, сон это или явь.

– Ваша мать не умерла, её отправили в монастырь.

Кэйрон привстал, пытаясь разглядеть женщину в темноте. Он боялся верить и боялся, что ему лгут.

– Ты знаешь, кто моя мать?

– Королева Эльмара. – Да, Эльмара, вторая жена Клемона Третьего, мачеха ГиEMONа и мать Кэйрона. Таинственная женщина, от которой при всей любви барундийцев к живописи не осталось ни единого портрета. Кэйрон почувствовал, как забилося сердце. Он всё ещё не верил, но вдруг?..

Принц коснулся перстня на руке – он носил его не снимая. Золотой массивный перстень содержал внутри крохотный медальон с изображением красивой женщины в золотисто-красном платье. Кэйрон случайно обнаружил этот портрет, когда играл с Дайрусом в Воинов Иштирии. Дайрус без конца воображал себя главой великого воинства, Кэйрон с удовольствием избивал его, если он слишком заносился. Во время игры они часто использовали зашифрованные сообщения, стараясь прятать их в самые необычные места. Дайрус не отличался оригинальностью, зато спрятанные Кэйроном записки никто найти не мог. Однажды он стащил огромный перстень из шкатулки в комнате Гиёмона и попытался его открыть. К его удивлению, это ему удалось – внутри обнаружился портрет. Крохотные буквы гравировки с внутренней стороны золотой крышки гласили: «Принцесса Эльмара». Мама! Кэйрон забыл об игре, пожирая портрет глазами. Он спрятал перстень – никто его так и не хватился. Со временем Кэйрон стал носить его на пальце. Эмаль начинала трескаться, портя изображение, но Кэйрон знал образ на память. И вот теперь он сможет увидеть её живой. Сердце колотилось от неожиданной новости. А если всё-таки ложь? А если нет? Узнает ли он её теперь?

– Ты проводишь меня к ней?

– Это непросто.

– Почему?

– К ней никого не пускают, даже священника.

– Как так?

– Она просила об исповеди перед смертью – ей отказали.

– Перед смертью? – Кэйрон дёрнулся от неожиданности. Мама умирает?

– Да, это большой грех. Не понимаю мать-настоятельница, она сказала, что только наш обычный исповедник сможет принять её исповедь, а он уехал. Она не хочет звать чужого.

Неудивительно, если её заточили сюда тайно. Какой секрет она должна унести в могилу?

– Ты сказала, она умирает? – Кэйрон давно свыкся со смертью матери, сейчас ему очень хотелось верить в обратное. Если она жива, он вытащит её из плена!

– Говорят, ей осталось день или два. Она слышала ваше имя, умоляла их дать вам увидеться – они отказали. Тогда она попросила меня – я не могла ей отказать...

Кэйрон почти не слушал. Он оказался здесь, чтобы похоронить собственную мать? Кэйрон схватил невидимую монашку за руку. Она вырвала её, отступила на шаг. Он испугался, что она сбежит, а он даже не знает, как она выглядит.

– Ты сможешь мне её увидеть? – Если она откажет, он найдёт способ, решил Кэйрон.

– В её келье открыто окно – она всё время задыхается, – он слышал колебание в её голосе.

– Ты никому не скажешь?

– Нет. Она не заслуживает умереть в одиночестве и забвении. Когда-то она спасла мне жизнь, помогла смириться с судьбой, обрести покой. У нас с ней одна судьба. Надеюсь, однажды добрая душа поможет и мне. Господь понимает: я делаю это ради милосердия, – Кэйрон слышал грусть в её голосе. Он встал, чувствуя резкую боль от раны, но это мелочь. Судьба прислала его сюда в последний момент, разве боль может его остановить? В темноте он безропотно шёл за женщиной и молча посмотрел ей вслед, когда она показала ему приоткрытое окно под крышей и убежала. Несмотря на темноту, Кэйрон видел большое трёхэтажное кирпичное здание с вытянутыми узкими окнами. Он присмотрелся, заметил лежавшую у стены лестницу. Забраться в окно на последнем этаже оказалось делом пары минут.

Комната была невзрачной: жёсткая кровать, стол со свечой, молитвенники, жития святых, сложенные на полке у кровати, икона в углу. Кэйрон слышал хриплое дыхание. Таинственная незнакомка сказала по дороге, что настоятельница обычно оставляет с умирающей на ночь глухую сестру. Сейчас та целыми днями ухаживает за ранеными и, скорее всего, спит. За столом на стуле и впрямь храпела женщина, положив голову на руки. Кэйрон осторожно,

чтобы не разбудить её, зажжёт свечу. Пряча её в ладони, он поднёс крохотный огонёк к лицу женщины на постели.

Он не узнал свою мать. Худое лицо побледнело, сморщилось, прикрытые веками глаза утопали в глазных впадинах, волосы совсем поседели, зато широко расставленные глаза, заострённый подбородок и выпуклый лоб напоминали женщин семьи лодивийских королей. Эльмара была племянницей короля Лодивии Урмаса Девятого.

– Кто здесь? – женщина встрепенулась, испуганно открыла глаза и закашлялась.

– Это я, Кэйрон.

– Кэйрон? Мой сын? Тебе позволили повидать меня? – она говорила и дышала с трудом, постоянно кашляла, оставляя на платке кровавые пятна. Он узнал признаки чахотки. Ей и впрямь осталось недолго.

– Нет, я пришёл тайком. Я так мечтал тебя встретить!

Её глаза наполнились слезами, она улыбнулась, показав немногочисленные гнилые зубы. Кэйрон оглянулся на спящую монашку и хотел погасить свечу, чтобы не разбудить её. Королева Эльмара покачала головой:

– Нет! Дай взглядеться на тебя, сын мой! Я молила Бога послать мне такой шанс, и он смилостивился!

Кэйрон хотел возразить, что Бог тут ни при чём, дело в войне, но промолчал. В конце концов, война велась от имени Бога. Во имя одного и того же Бога, усмехнулся про себя Кэйрон.

– Мама, я вытащу тебя отсюда!

– Нет, это невозможно, – прошептала она, облизывая пересохшие губы. Кэйрон огляделся в поисках воды, однако ничего не обнаружил.

– Я смогу!

– Мне некуда идти, сынок, мои грехи не пустят!

– Какие грехи?

– Твой отец знает, поэтому и отправил меня сюда, – её губы скривились, слёзы покатались по щекам.

– Мой отец? Но он давно мёртв. Он ничего не сделает!

– ГиEMON мёртв? – её глаза прикрылись.

– ГиEMON? – Кэйрона будто оглушило дубиной. Его отца, её мужа звали Клемон. Она бредит или?..

– Мама, ответь мне, ГиEMON мой брат или отец?

Она открыла глаза, с жалостью посмотрела на сына. Он испугался, что она промолчит.

– Ответь, я должен знать, – настойчиво потребовал Кэйрон.

– Он...

– Мама, если он знает, то и я должен знать. Незнание убивает не хуже меча. Он отправил меня воевать с Шагурией, посылал в такие уголки, откуда я не должен был вернуться. Почему он хочет от меня избавиться? Кто я? Его сын?

Она едва заметно кивнула. Кэйрон чувствовал, как пол под ногами ходит ходуном. Свет свечи расплывался перед глазами, во рту пересохло. Получается, ГиEMON спал с мачехой? А когда король Клемон умер, он отправил мать своего сына в монастырь, чтобы скрыть собственные грехи?

– ГиEMON не сразу понял, что ты его сын, – заговорила Эльмара, перемежая речь кашлем. Казалось, она не с сыном общается, а со священником. Очевидно, этот груз давил на неё много лет. Она снова прикрыла глаза, Кэйрон взял её за руку, шепча слова молитвы на латейском языке. Может, она примет его за исповедника, и ей станет легче? Кэйрон не верил в загробную жизнь, но если она умирает, пусть умрёт с миром.

– Он... начал меня преследовать почти сразу. Он блистал на балах и турнирах, его отец был... стар, хотя и часто проводил со мной ночи. Я терпела, хотела забеременеть – ничего не получалось. Ходило поверье, будто в роду Гиёмона все мужчины рано становились бесплодными, поэтому мой муж старался побыстрее найти сыну невесту и вёл переговоры с несколькими королевскими домами. Он даже поехал в Сканналию на смотрины Маэрины, тем временем мы с Гиёмоном стали любовниками.

Кэйрон не верил в это поверье. Старые пни просто слабели, как и их семя, что не мешало им брать себе молоденьких жён.

– Когда ты родился, Гиёмон возненавидел тебя. Я не понимала причин, а он просто видел в тебе соперника. Король Клемон считал Гиёмона бездельником и развратником. Он заявил: если тот не возьмётся за ум, наследником станешь ты. С этого времени Гиёмон вёл себя иначе: женился на Маэрине, начал заниматься страной. Когда он смотрел на тебя, я тряслась от страха, – голос матери совсем ослабел. Кэйрон наклонился к самому её рту. Из него пахло гнилью – он и не подумал морщиться. Эту историю семьи ему никто не преподавал. Принц обратился в слух.

– Мой муж подписал указ, по которому ты получал трон, если бы Гиёмон не обзавёлся детьми. У Гиёмона родился сын, потом Марция, дед на радостях одарил внуков множеством земель. Кроме того, он обожал невестку: Маэрина стала ему настоящей дочерью, в итоге Гиёмон получил всё. Когда мой муж умер, я побоялась, что твой отец убьёт тебя, и рассказала ему правду. Это привело меня сюда...

Она замолчала, Кэйрон испуганно всмотрелся в её лицо. Оно расслабилось, морщины разгладились, на губах заиграла слабая улыбка. Свеча в руке Кэйрона зашипела, вспыхнула ярче. Он дунул на неё, боясь разбудить монашку: она храпела так, что порой заглушала слова матери. Кэйрон почувствовал, как рука сжимает его ладонь. Рука казалась безвольной, но тяжёлой. Только бы она смогла закончить рассказ. Кэйрон ощущал, как его охватывает ярость от признаний матери. Теперь он многое понимал в поведении человека, ставшего его отцом!

– Узнав, что ты его сын, Гиёмон избил меня, потом потребовал молчать. Не знаю, откуда у меня взялись силы – я пригрозила рассказать правду Маэрине, если он что-то с тобой сделает. Тогда он похитил меня, привёз сюда. Я пыталась пробиться к монашкам, говорила с настоятельницами, с исповедником – они не слушали. Меня постригли в монахини против воли, заперли здесь, ни разу не сказали, жив ли ты. Я теперь не боюсь ада, потому что все эти годы жила в худшем месте! – Кэйрона трясло от чувств: ярость вперемешку с ненавистью, боль пополам с сочувствием – как посмел Гиёмон так обойтись с матерью своего брата? Нет, не брата – сына!

– Господи, благодарю тебя за последний дар, – услышал он хриплый шёпот матери и вдруг понял, что это её последние слова: – Я иду к тебе с лёгким сердцем. Прошу лишь об одном: защити сына моего от зла этого мира, даруй ему победу над врагами и долгую жизнь! Прощай, сын мой!

Кэйрон слушал знакомые с детства слова молитвы, и в нём рос протест. К какому Богу она обращается? Тому, кому поклоняются монашки, силой державшие её здесь? Тому, который позволил матери гнить в стенах этого монастыря без единой надежды и радости? Тому, кто отобрал у Кэйрона все права на престол?

Кэйрон держал руку матери до тех пор, пока шёпот не перешёл в предсмертный хрип. Рука обмякла, зловонное дыхание больше не вырывалось изо рта, только громкий храп глухой монашки время от времени будоражил тишину. Кэйрон немного подождал – на улице тоже было тихо. Он подошёл к окну и глубоко вдохнул, решая, что делать дальше. Стоит ли устраивать шум сейчас? Нет, это бессмысленно: матери не поможешь. Если до Гиёмона дойдёт известие о встрече Кэйрона с ней, он наверняка постарается избавиться от лишнего сына. Именно так – лишнего, с обидой и горечью подумал Кэйрон. Вот почему Гиёмон – Кэйрон решил даже

про себя не называть его отцом – так ненавидел его и всё время отсылал подальше. Да, многое вставало на свои места. Гиёмон соблазнил его мать и заставил её заплатить за это. Он и Кэйрона хотел заставить платить, но теперь хватит! Кэйрон вылез в окно, спустился по лестнице, положил её на место и вернулся к себе. Он так и не заснул до утра, а на рассвете услышал стук лопат у монастырского кладбища, расположенного напротив его окна у толстой каменной стены.

Кэйрон выглянул в окно и в сумерках рассмотрел, как трое мужчин – явно не монахов – докапывают яму. Вокруг уже столпились женщины в длинных монашеских одеяниях. Кэйрон не слышал, о чём они говорили. Церемония прощания не затянулась: тело в белом саване положили в яму, быстро забросав землёй. К вечеру там появилась дощечка с вырезанной на ней струной. Кэйрон на рассвете следующего дня прочёл: «Да смилуется Господь над твоими прегрешениями». Имени на могиле не было.

В этот день Кэйрон покинул монастырь и для себя решил: Гиёмон заплатит за смерть и позор матери, а свои права Кэйрон вырвет силой, раз уж Бог ему в них отказал. Отныне ни отец, ни боги ему не указ! Судьба привела его в этот монастырь, теперь он знает, куда идти! Ждать пришлось долго, но когда сканты появились в его доме в Нортхеде и предложили ему трон в обмен на привилегии для их веры, Кэйрон не колебался. Так он отомстит и Гиёмону, и тем мерзавцам, которые в угоду королю заживо похоронили его мать!

Глава 3. Узники

Он давно потерял счёт дням и ночам – они слились в бесконечный поток времени. Иногда, просыпаясь в темноте, он верил, что похоронен заживо, потом скрипела дверь, и простая, но вполне съедобная еда появлялась в камере. Георг изучил камеру вдоль и поперёк, знал в лицо каждую крысу, каждую трещину. Однако вскоре свечи перестали оставлять, свет он видел только во время еды.

Хуже всего было бездействие. Мысли поначалу метались как бешенные, ярость заставляла биться о стены, потом ноющая боль вынуждала смириться. Лишь постоянный плеск воды составлял ему компанию: вода вытекала из стены и собиралась в углу в небольшом углублении на каменном выступе. Выливаясь через край, она текла вдоль стены в угол у двери, где находилось отверстие для нечистот – воронкообразная расселина в скальной породе, уходящая вниз. Георг знал: эта камера – единственная, где есть источник воды, и радовался, что она досталась ему. По крайней мере, можно умыться и пить сколько хочется. Это компенсировало постоянную сырость в воздухе.

Камера провоняла испражнениями, в отросшую бороду набились насекомые, как и в шевелюру на голове. Георг давно не обращал на них внимания, только стряхивал, если они слишком уж надоедали. Георгу предоставили довольно тёплое шерстяное одеяло; в холодные ночи он укутывался в него по уши, съёживаясь на скрипучей деревянной кровати, изъеденной жуками.

Одиночество изредка прерывалось: его оттаскивали в комнату палача, и начиналась бесконечная боль. Георг, как ни старался, не мог сохранить самообладание, которым так гордился. Время от времени Дим задавал вопросы, Георг иногда отвечал – о том, как узнал о чаросе, как заподозрил заговор, о сведениях, добытых у Краска на допросах. Невыносимая боль заставила его упомянуть о пророчестве Валера и о том, что он прочёл в рукописи Истинной Летописи, где говорилось о браке родителей Райгарда. Обо всём этом сканты и так знали, а в пророчества он не верил. Впрочем, чаще Дим обходился без вопросов.

Как ни странно, особого вреда пытки не причиняли: ему не ломали костей, не сдирали кожи, не наносили серьёзных увечий. Георг считал, что это лишь начало, содрогаясь всякий раз, когда вместо охранника с едой к нему в камеру приходили двое с оковами. Обычно сеансы пыток длились часа два-три, и каждый раз Георгу казалось, что за ним наблюдает Ванда.

Мысли о ней посещали Георга постоянно. Почему жена так поступила? Неужели дело в смерти Макса? Он ведь пытался его спасти, но Макс думал не о Ванде, как внушал всем, даже себе, а о собственной выгоде. Ванда являлась для него только средством в борьбе. Может, сканты и её подвергли воздействию чаросы? Или он что-то сделал не так? Ведь когда-то она его любила. Откуда же эта ненависть? Он выполнил свой долг, она требовала измены.

От нечего делать Георг снова и снова складывал куски созданной скантами мозаики, приходя то в ужас, то в восхищение. Ему казалось, что смерть Краска, Килмаха и Макса означает конец их планам – они же мгновенно сориентировались и нанесли удар. Ни Краск, ни Килмах не ответили, сколько всего у них сторонников – они сами не знали. Они сообщали ему массу бесполезных деталей о прошлом, лишь бы он не успел узнать главное: что они готовят в будущем. Поэтому Краск так подробно рассказывал об отравлении Тории и Марции, о планах Макса и Гиёмона, о чаросе – это так или иначе перестало входить в планы. Да, планы поменялись, неизменным осталось одно – стремление вернуть власть и веру предков. Георг считал подобные мечты абсурдными, но людям свойственно упрямство.

Сканты удачно сыграли на противоречиях сканналийского общества. Раскол привёл к войнам, породил насилие и вражду между недавними единоверцами. Разделяй и властвуй! Похоже, сканты взяли на вооружение этот принцип и следовали ему буквально. Именно тогда,

когда вера в церковь пошатнулась, когда многие просто не понимали, кому верить, Краск показал людям силу Истинной Летописи. Георг помнил тот день – день казни Катрейны, – но о событиях после казни он знал только по рассказам других. Если его, человека без веры и суеверий, потрясла гибель Холларда и спасение Маи, то чего ждать от простых неграмотных людей, для которых Бог – всемогущая карающая сила? Неудивительно, что с этого момента страну наводнили языческие легенды, начались тайные жертвоприношения древним богам; по дорогам шастали сказители и толкователи предзнаменований, проповедники старой веры. Айварих к этому времени уже не мог активно бороться с этим явлением, и сканты спокойно распространяли своё учение по стране. Даже смерть главарей их не остановила.

Сколько ещё скантов крутилось вокруг трона? Разбогатевший на торговле Бадл, вездесущий Фил, знаток легенд Захар – они все ждали своего часа и с самого прибытия Дайруса в Северную гавань вели Маю к тому, чтобы занять место летописца. Или нет? Зачем рисовать её портрет краской из чаросы? Зачем скантам околдовывать Маю? Летопись не приняла бы фальшивой клятвы – они это знали, да и неужто Краск пожертвовал племянником ради Маи? Зачем?

Когда Айварих сошёл с ума, Краск, должно быть, понял: пора найти нового короля. Не Криса ли он прочил на этот пост? Нет, он же сам его сдал Ривенхедам. Своенравный Крис, наверное, был обычным жертвенным бараном, как и... Алекс. Алексарх бы не принял язычников, потому им потребовался Дайрус – слабый, восприимчивый к чужому влиянию юнец. Именно сканты сыграли немалую роль в его победе. Возможно, они предпочли бы Макса уже тогда, но вряд ли им хватило бы сил противостоять Гиемону и Маэрине. Сканты действовали скрытно, направляя отдельных людей, а не огромные массы. Они предпочитали постепенно отравлять душу медленным ядом. Наверняка сканты, зная Дайруса, верили, будто легко смогут его подчинить.

До приезда Марции всё шло более-менее спокойно, хотя Георг отлично помнил постоянные сообщения об усилении языческих настроений. Сканты бродили повсюду, сеяли семена своей веры. Им никто не мешал, потому что сама мысль о возвращении старых богов казалась бредовой. Георг со стыдом признал, что и сам ничего не заподозрил, пока не побывал в Рургарде и не узнал про чаросу. Зачем они решили убить Марцию? Или всё-таки, как он однажды предположил, она – не жертва? Марция – ключ к Барундии, убив её, они получали врага в лице Гиёмона. Но они собирались всё свалить на Дайруса, верно? Сначала на Дайруса, потом на Сиверсов. Нет, не сходится! Зачем писать портрет, если Дайруса хотели убить при помощи Летописи? Не может же быть, чтобы сканты и хотели убить Дайруса, и не хотели? Тогда почему подставили его под смертельную клятву? Или это идея Кэйрона? А Марция? Случайно она выжила или таков был расчёт? Если они собирались посадить на трон Макса, то он взял бы в жёны Ванду, да и Марция не вышла бы за бастарда без королевской крови. Они могли попытаться её подчинить, однако женщина для горцев – не человек, сканты вряд ли желали видеть её королевой. И главное, Марция, как и Алексарх, рьяная эктарианка. Она сожгла бы любого попавшегося ей язычника, как поступала её мать с зарианцами. Нет, смерть Марции – необходимость для скантов, если они хотели посадить на трон Макса.

План провалился: Марция выжила, Дайрус тоже, зато Макс погиб. Вот тут появился Кэйрон. Не поэтому ли Марцию больше не тронули? Кэйрон охотно женился бы на ней, став королём. Но пока был жив Макс, оставалась ещё одна проблема: Георг. Именно Краск убедил Дайруса отправить его в Рургард на поиски Макса. Зачем? Чтобы дать Максу шанс избавиться от соперника?

«Интересно, почему меня просто не прикончили где-нибудь, как позже попытался сделать Фил? Чего проще», – усмехнулся Георг про себя. Он подумал, что Макс, как человек чести, мог потребовать поединка на равных, а Краск ему подыграл. Георг сжал виски: кажется, он слишком увлёкся догадками вместо фактов. Темнота бередила воображение, даже во сне

мысли о связи между разными событиями не отпускали Георга ни на минуту. Неудача с Дайрусом привела скантов к Макс, смерть Макса заставила их искать поддержки Кэйрона – человека, который не жаловал церковь, как и сам Георг. Кэйрону безразлично, каким богам поклоняться, скантам всё равно, кто сидит на троне, лишь бы им не мешал. Но, как и в случае с Максом, есть проблема: в Кэйроне не течёт кровь Свенеива. Ему нужна жена, Марция или Ванда. Раз Георг жив, значит, Кэйрон нацелился на Марцию... Где она? Жив ли Дайрус? Неведение вызывало почти физические приступы боли. Он понятия не имел, что происходит наверху, стражники молчали, отказываясь отвечать на его вопросы, – они отворачивались или плевались, а он всё больше погружался в отчаяние. Впереди его ждали только боль, мрак и смерть.

– Неужели ты в это веришь, Ванда? – не выдержал Кэйрон.

– Верю! Мертвеца можно оживить, такое уже случалось!

– В сказках, дорогая, не в жизни. Перестань себя терзать! Макс мёртв! Давай отправим следом твоего мужа и...

– Ты не понимаешь! Ты не сканналиец. Они сказали, что это возможно...

– Они искали твоей помощи, но вряд ли они помогут тебе!

– Хватит! Макс ещё в детстве рассказывал мне историю о том, как в битве погиб вождь по имени Тиргалв. Ему отрубили голову, она скатилась в реку. Вода унесла её прочь. Небольшой дружине Тиргалва противостояла огромная армия. В дружине был волхид, знавший магию и алхимию. Он добыл мёртвой воды из источника, отрубил голову быку и приставил к телу Тиргалва. Когда он нанёс мёртвую воду на то место, где голова с телом соединились, они срослись. Тиргалв ожил и сокрушил полчища врагов!

Глаза Ванды по мере рассказа загорелись – Кэйрон поневоле залюбовался ею, несмотря на тонкие шрамы, оставленные ногтями Марции на щеке. Сейчас она говорила с такой страстью, что Кэйрон не стал ей возражать. Рано или поздно поймёт: её надули. В самом деле, как можно верить в такую чушь? Приделать чужую голову к обезглавленному телу!

Ванда по-прежнему жила в доме Георга, однако часть слуг сбежала после Дня Великого Дара. Супружескую спальню Ванда переделала полностью, сменив кровать и зачем-то даже деревянные полы и мебель. По мнению Кэйрона, раньше было лучше.

Стены украшали офорты известных мастеров, включая Килмаха, в углу на полке поселились икона Св. Валамира и костяная фигурка сына Божьего Зарии с Декамартионом в руках. Новое мягкое кресло с атласной жёлтой обивкой и высокой спинкой располагало к тому, чтобы побыстрее в нём уснуть. Напротив кресла у стены стоял туалетный столик с огромным зеркалом в обвитой цветами позолоченной раме – такие стоили состояние, делали их только в Латее. Кэйрон поневоле целый вечер разглядывал своё отражение, выслушивая злорадные рассказы Ванды о пытках мужа. Встав с кресла, король подошёл к окну и выглянул на улицу. Из окна второго этажа Кэйрон разглядел людей, суетливо идущих мимо под проливным дождём – он не прекращался уже несколько дней. Во дворе у ворот выстроился королевский эскорт. Телохранители, чтоб их! Кэйрон всю жизнь рассчитывал только на себя, теперь же приходится таскать с собой толпу громил. После недавнего покушения на охране настояли Марик и Захар. Кэйрон иногда чувствовал себя узником.

– Но зачем тебе именно Георг? Любое тело подойдёт!

– Нет! Он должен заплатить за жизнь Макса, отдав ему свою жизнь!

– Но тогда он проживёт полгода. Это слишком долго. – Обряд воскресения из мёртвых, как сказал Захар, возможен лишь одну ночь в году – ночь осеннего равноденствия. Эктариане отмечали в этот день праздник урожая. Его также называли Тозмадан, или день Богородицы. В этот день Небесный Отец послал ей своё семя, чтобы зачать сына Зарию. Кэйрон не верил в это даже в детстве. Сканты вместо Тозмадана отмечали воскресение Тиргалва и славили

свой род. Ванда потребовала от скантов чуда воскресения, когда Кэйрон пришёл к ней и от их имени предложил сотрудничество против Дайруса. К удивлению Кэйрона, сканты согласились. Он совершенно не представлял, как они выполнят обещание. Зато они регулярно брали у неё кровь якобы для ритуала воскрешения. Кэйрон поинтересовался у Захара, зачем им кровь – тот не ответил.

– Ну проживёт, тебе-то что? Он нам не мешает.

– Я предпочёл бы от него избавиться.

– Ритуал можно провести раз в год.

– Не думал, что ты так терпелива. – И не только терпелива. Она боялась попортить тело мужа, а потому Диму приказали не причинять Георгу лишнего вреда. Впрочем, Дим мастерски подходил к делу – капли воды в его руках становились источником дикой боли. Сыромятные ремешки, верёвки, тонкие иглы – он прекрасно обходился подручными средствами.

– Ты меня не знаешь.

Кэйрон усмехнулся. Он отлично знал таких, как Ванда, поэтому спорить не стал. Пусть верит, раз ей хочется, лишь бы не мешала. И вообще, хватит говорить о Георге! Почему она притащила его в спальню вместо комнаты для гостей? Кэйрон терпеть не мог эту её манеру дразниться с помощью намёков, оставляя их без продолжения. Она много раз отказывала ему, вот и сегодня делает вид, будто не думает об этом.

Впрочем, сегодня и у него самого настроения не было. В Нортхеде начались казни священников, недовольные горожане едва не взбунтовались. Подготовленная против Дайруса армия стояла у стен города, только это удерживало людей от резни на улицах. Правда, армии надо платить, как и морякам, а найти деньги непросто: казна опустела ещё при Дайрусе. Как бы солдаты не повернули оружие против новых хозяев.

В окружении телохранителей Кэйрон вернулся во дворец. Разговор с Вандой не выходил из головы. Он тоже видел Георга, хотя особого удовольствия ему зрелище пыток не доставило, лишь удовлетворение от того, что умный и опасный враг бессилён. Это на мучения Гиёмона Кэйрон любовался бы без конца. Жаль, такой возможности его лишили. Письмо Маэрины коротко сообщало, что муж умер от разрыва сердца. По мнению Кэйрона, она даже не врала, правда, сердце вряд ли разорвалось само по себе. Шпионы Захара подтвердили: она прирежала мужа, после чего в стране объявили траур. До совершеннолетия маленького сына Гиёмона регентом станет Маэрина. Захар также сообщил, что в народе ходят разные слухи. Когда пару певцов по обвинению в чернокнижии и язычестве выпотрошили и четвертовали на площади, предварительно отрезав им языки, любители сплетен поутихли, спрятав подозрения подальше. Похороны Гиёмона прошли пышно и торжественно, сам Урмас Лодивийский почтил их присутствием, прибыв с дочерью ко двору Маэрины и её сына, будущего короля Гиёмона Четвёртого. Кэйрон помнил дочерей Урмаса. Если младшего брата обручат с одной из них, туда ему и дорога. В Барундию Кэйрону всё равно путь заказан: Маэрина не простит бунта, но она не посмеет вмешаться, пока дочь в плену. Хоть об этом сканты позаботились: граница за Нейским перешейком перекрыта, флот во власти Кэйрона. К тому же, Марция вряд ли захочет вернуться домой, усмехнулся Кэйрон. Ладно, если удастся жениться на Марции, Маэрине придётся смириться. Вот только бы взять Корнхед и убрать Дайруса с дороги! Без этого Кэйрон не чувствовал себя истинным королём.

Вообще, всё шло не так, как он хотел: Дайруса и то любили больше, чем его. А ведь раньше он был популярен, к нему прислушивались, его балы посещали самые богатые и знатные жители Сканналии, скачки с участием его лошадей собирали целый город. Женщины, не вылезавшие из его постели, теперь шарахались от него как от прокажённого. На улицах города выжить оказалось непросто: один раз на нового короля уже покушались, вчера состоялась вторая попытка.

Слуги распахнули перед королём двери дворца, однако Кэйрон направился не в свои покои, а в тюрьму. Несостоявшийся убийца висел в комнате для пыток со связанными за спиной руками, пока Дим деловито разглядывал разнообразные крючья под дикими взглядами жертвы.

Восемнадцатилетнего тощего парня звали Фелман, вчера он неожиданно свалился со второго этажа трёхэтажного дома на Проточной улице, когда Кэйрон проезжал мимо. Он рухнул прямо на короля – никакие телохранители не спасли бы его, если бы от удара о кольчугу кинжал не выпал из рук Фелмана. Кэйрон сбил убийцу кулаком на землю. Стража притащила его сюда – король намеревался послушать его признания.

– Долго меня поджидал? – обратился король к Фелману. Он был послушником недобитого Айварихом монастыря, расположенного в лесах у Четворта. Кажется, туда сканты не добрались, так что же нужно этому придурку?

Тот отвлёкся от Дима и с ненавистью уставился на Кэйрона.

– Три дня, – выплюнул он. Кэйрон поверил: Марик обследовал дом. По его словам, этот тип даже испражнялся прямо в комнате с окном на улицу. Он не выходил оттуда, поджидая короля.

– Что тебе даст моя смерть? – Кэйрона не интересовали чувства черни, но если это продолжится...

– Освобождение от боли.

– Освобождение? – засмеялся Кэйрон, хотя ему было не до смеха. – Если ты хотел освобождения от боли, то выбрал неверный путь. За покушение на короля ты получишь столько боли, что больше ничего в твоей жизни не останется.

– В моей жизни останется свет, а эта боль лишь порог, через который надо переступить, чтобы попасть в рай! – Послушник закрыл глаза, словно представляя себе этот рай. Дим взял «щекотун» – закреплённый на длинном шесте наконечник с тремя плоскими изогнутыми зубцами – и провёл им по обнажённой коже на животе, оставляя кровавые следы. Фелман заорал, роняя слюни.

– Такой рай ты хочешь? – поинтересовался Кэйрон, когда крик оборвался. – Тогда у меня ещё много игрушек, способных доставить тебе удовольствие.

Послушник тряс головой, из глаз катились слёзы, ноги дрыгали в пустоте, шея побагровела от напряжения. Руки, казалось, вот-вот оторвутся. Кэйрон надеялся, что Дим не допустит ранней смерти.

– Лучше я пройду это испытание, чем буду смотреть, как гибнет мой народ, моя страна!

– Так ты хочешь стать мучеником? Лавры святых покоя не дают? – ехидно спросил Кэйрон, чувствуя, как холодок продирает до костей.

– Я хочу избавить мою страну от демона, который хуже еретиков! Ты предал веру, продал нас поганым язычникам! Гореть тебе в аду, где ты испытываешь муки, положенные предателям и гнидам!

Кэйрон подал знак Диму, тот вогнал зубья щекотуна поглубже, разрывая кожу и мясо. Фелман завопил. Кровь полилась по ногам, закапала вниз. Вот так же несколько недель назад вопил тот, другой. Его имени они так и не узнали. Первый убийца был старше, грубее, его речь перемежалась руганью, лика он не носил, хотя в целом он говорил то же, что и молодой послушник. Забавно, эктарианин и зарианец в одной лодке. Смогли бы они править ею вместе или устроили бы драку друг с другом, а потом оставшийся полез бы убивать Кэйрона? А если те и другие объединятся и выступят против скантов? Кэйрон не успел обдумать эту мысль: пришёл Захар.

– Появилось дело, нужно с ним разобраться, – заявил скант.

– Только одно? – хмыкнул Кэйрон.

– Оно зело важное, – Захар перевёл взгляд на Фелмана, изучая его во всех подробностях.

– Какое же? – Кэйрон раздражала необходимость ждать ответов.

– Вам надобна королева, нам требуется кровь Свенейва. Ваше Величество, я послал людей в Корнхед.

– Будем надеяться, они сумеют добраться до Дайруса. – Отправить всю армию или даже половину на осаду Корнхеда Кэйрон пока не решался, опасаясь бунта. Найти несколько убийц, готовых ради денег привезти Марцию и голову Дайруса – почему нет?

– Их мало.

– Так ты хочешь, чтобы я послал армию и оставил город без защиты?

– Ежели чернила иссякнут, армия не спасёт.

Кэйрон отвернулся, дав сигнал Диму прекратить пытку. Он несколько минут наблюдал, как Дим аккуратно прочищает инструменты и раскладывает их по местам. Железный Бык снял с цепей Фелмана и швырнул на пол в лужу его собственной крови.

– Вы говорили, что соберёте людей на юге, – сказал король.

– Их недостаточно, и они занимают важные города. Нужен немалый срок, дабы люди свыклись, а мы выявили наиболее опасных бунтовщиков. Без них ваша власть не удержится.

«Ваша власть!» Как же!

– Сколько у вас всего людей? – не выдержал Кэйрон. Сканты всегда уходили от ответа на этот вопрос. Вот и сейчас Захар пожал плечами:

– Для осады недостаточно, и не все они горазды сражаться. Нам надобна ваша армия, Ваше Величество.

– А Нортхед останется без защиты?

– Тут мы управимся, – заверил Захар. – Покуда Дайрус жив, он опасен.

– Но погода плохая для похода, – возразил Кэйрон. – Как мы дотащим до Корнхеда пушки под ливнями? – Непрекращающиеся дожди вызывали беспокойство. Воды Истры у Нортхеда почти вышли из берегов – город от затопления спасало лишь то, что он находился на возвышенности.

– Думаю, вы отыщете способ.

Кэйрон понял: решение уже принято.

– Дайрус импотент, он никуда не годен, – возразил Кэйрон. – Зачем торопиться?

– Вы забыли о Райгарде Сиверсе.

– А он при чём? Он всего лишь бастард.

– Вы ошибаетесь, Ваше Величество, его родители были женаты. Помните, о чём поведал Энгус Краск?

– Я думал, он соврал.

– Нет, – улыбнулся Захар. – Допросы Ворнхолма подтвердили: Райгард – наследник Дайруса.

Неужели Райгард имеет шансы на власть? Кэйрон никогда не воспринимал его всерьёз, хотя отдавал должное его смелости и воинским навыкам. Райгард куда решительнее Дайруса...

– А Дайрус знает, что его племянник – законный наследник?

– Покуда нет.

Кэйрон задумался. Нельзя ли использовать эти знания? Надо это обдумать. Не хватало, чтобы чёртов Сиверс заделал Марции сына. Нужно убрать его с дороги, как и Дайруса. Ещё бы убрать Георга, который слишком много знает. И неплохо бы узнать про ритуал.

– Почему вы не избавитесь от Ворнхолма? – спросил Кэйрон.

– Вы дали обет его супруге сохранить ему жизнь, – Захар смотрел на Кэйрона в упор и словно не видел.

– А вы обещали ей оживить Макса, – огрызнулся Кэйрон. К его удивлению Захар улыбнулся.

– Мне показалось, она поверит.

– Так вы ей ввали?

– Наши деды обладали и такой магией, но нынче не добыть мёртвой воды.

– Воды? – Ванда упоминала о ней. Кэйрон плохо понял, что это за штука.

– Мёртвая вода заживляла любые раны, лечила болезни. Она текла из подземного родника где-то в этих краях. Опосля воды Марваги устремились на север, родник влился в реку. Стали говорить, будто воды целой реки способны исцелять.

– Тогда почему воду называют мёртвой?

– Понеже её недостаточно, дабы в мёртвом теле забила жизнь. Надобна жертва, которая призовет душу мертвеца из подземного мира.

Кэйрон помнил, с каким восторгом Дайрус слушал сказки Ноэля Сиверса, пока того не отправили восвояси, потом умолял Кэйрона поиграть с ним в Воинов Иштирии. Воины жили вечно благодаря источнику бессмертия. Недавно Кэйрон посмеялся бы над этими сказками, но жизнь в Сканналии заставляла на многое смотреть по-иному.

– То есть, – уточнил Кэйрон. – Это возможно?

Захар усмехнулся, пожал плечами. Кэйрон так и не понял смысла этого ответа.

Глава 4. Споры и разногласия

– Значит, нас хотят взять в осаду? – Дайрус навис над старой картой Сканналии, тщательно нарисованной на клочке пергамента. Карте было не меньше сотни лет, она истёрлась за век службы, на ней отсутствовали деревни и городки, появившиеся за это время, но Дайрус в них не нуждался. Дороги не изменились, большего ему не требовалось. Дайрус задумчиво взял с тарелки пирог со щукой и машинально сунул в рот. Слуга с бутылкой охлаждённого вина возник в дверях – король с сожалением покачал головой. Марция молча проводила слугу насторожённым взглядом.

Дайрус уселся в мягкое кресло, обитое коричневым бархатом. Оно совершенно не подходило для военного совещания с баронами, однако стульев попроще не осталось, зато роскошной мебели в бывшем доме Сайрона Бадла хватало. На удивление, обстановка почти не пострадала от воров, только следы обыска сохранились до сих пор: шёлковую и атласную обивку отодрали от стен, стёкла кое-где выбили, половицы местами вырвали напроочь. Дом понемногу привели в порядок, хотя он всё равно казался потрёпанным и сиротливым. Самую большую комнату рядом со спальней Дайрус велел обустроить для приёмной, заклеив выбитые стекла вощёной бумагой. Сейчас король, королева и бароны обсуждали грядущие планы и слушали доклад Гарика о подготовке орудий к осаде. Особенно Гарик сокрушался из-за постоянных ливней: от них портился порох и ржавел металл.

– Когда дороги просохнут, они придут, – Эйвард Ривенхед недовольно покосился на Гарика, который нетерпеливо поглядывал в окно на тщательно укрытые от дождя новенькие пушки, доставленные из Усгарда с мануфактуры Ривенхедов. Их отливали под бдительным присмотром Гарика, он знал каждую в лицо и на слух. Он мог точно ответить, какие ядра требуются, какое расстояние они пролетят, какую стену способны пробить – правда, в данном случае артиллерия потребуется для защиты, а не взятия города. Гарика назначили главным каноником, отрядив ему в помощь прислугу из пушкарей и стрелков низшего ранга. Он распределил их между бомбардами, лёгкими пушками, кулевринами и мортирами, каждой из которых подыскивал подходящее местечко для обстрела вражеской армии. Лёгкие орудия Гарик ставил на повозки, способные перевозить их по мере надобности с места на место. У него был и древний неповоротливый требушет, стрелявший огромными камнями. Гарик его не любил: он требовал много обслуги. Кроме того, при защите от осады пользы от него немного.

Население срочно отправили копать рвы и насыпать валы, приспособив к этому пленных барундийцев. После обещания отпустить их они организовали сплочённую команду и вполне грамотно занимались делом под улюлюканье горожан.

Райгарда Сиверса Дайрус послал в Рургард договариваться с кланами о поддержке. Племянник сообщал, что четыре клана готовы предоставить около полутора тысяч воинов. Дайрус надеялся на большее, но остальные кланы либо поддержали скантов, либо предпочитали не вмешиваться и ждать.

По приказу Дайруса на склады Корнхеда свозили из округи всё возможное: никто не знал, сколько продлятся боевые действия. Благодаря положению Корнхеда на основном пути с юга на север, Нортхед оказался отрезан от южных регионов, хотя власть Дайруса казалась непрочной. Подчинённые Дайрусу области выказывали всё больше недовольства слабостью короля. Посланные им для сбора военных налогов отряды не всегда возвращались и часто вступали в бой ради подводы муки или бочки гвоздей.

В Малгарде, захваченном скантами, появились новые органы власти, поддержанные осколками армии Гиёмона, местными торговцами и крестьянами. Беглецы и дезертиры докладывали, что народу внушали страх перед скантскими богами, грозили карами, припоминая события недавнего прошлого, хаяли Дайруса. Тем, кто соглашался поддержать новый порядок,

дарили земли, деньги, должности или попросту жизнь. К лету и юг запыляет почище лесного пожара, если не охладить горячие головы. Марция настаивала на том, чтобы привести к присяге всех глав местных властей, потребовать от них заложников. Сделать это удалось лишь отчасти. Корнхедцы, недовольные многочисленными налогами, находились на грани бунта. А как обойтись без налогов, если казна в Нортхеде? Дайрус приказал баронам заплатить солдатам, которые жаловались на отсутствие денег, грозились дезертировать. Бароны тоже жаловались – на местные власти, на солдат, на налоги и друг на друга.

Иногда Дайрус жалел, что отправил Райгарда в горы. Его люди, хотя и подчинялись королю формально, реально смотрели на Игера Яйцо и ждали своего командира. Игер даже умудрялся поддерживать среди них дисциплину. Люди баронов побаивались этой пёстрой компании. Дайрус не раз хотел разогнать доморощенную армию племянника, но с кем он тогда останется? Из баронов у него есть Эйвард Ривенхед, Леонис Чевиндом, Орвальд Кривенмер и Йоэл Поллендар. Эйвард беспокоил Дайруса больше всех. Толстяк Поллендар исправно поставлял средства и не лез не в свои дела, рыжий Кривенмер чаще молчал, дёргая бакенбарды во время особо жарких споров. Он не был хорошим воином, зато хорошо справлялся с обязанностями городского главы вместо старосты, убитого людьми Гиёмона. Благодаря стараниям Кривенмера они неплохо обустроились в Корнхеде.

Эйвард, к сожалению, собрался прибрать к рукам всю армию. Постепенно ему подчинились люди Чевиндома, Кривенмера и Поллендара – один Игер сопротивлялся барону, проявив хитрость: он объявил Гордея Иглсуда заместителем Райгарда Сиверса и обращался к нему, а Гордей уже обсуждал проблемы с Эйвардом. Впрочем, Гордей старался пореже попадаться Эйварду на глаза, зато из бывших стражников он сколотил нечто вроде охраны короля и королевы – Марция поддержала начинание с удовольствием. Теперь три стражника всегда сопровождали Дайруса и Марцию во время их поездок по городу.

Молодой Иглсуд недавно присоединился к ним, сбежав из Нортхеда. Он сообщил о смерти Ноэля Сиверса и Сигурда Данрога, сына барона Данрога. Сам барон настолько погрузился в горе, что даже не протестовал, когда ему принесли присягу. Дочь барона Узенрека стала заложницей, её отцу пришлось подчиниться Кэйрону. Сиэлла Холмкрест ради сына тоже осталась в Нортхеде. Больше всего Гордей беспокоился из-за отца. По слухам, старый Проспер сохранил жизнь, утратив всё состояние.

За дверью послышался шум, какие-то крики. Дайрус недовольно обернулся. В комнату вошёл Райгард. За ним попытались ворваться ещё человек пять – племянник уверенно выпихнул их за дверь, с грохотом её захлопнув.

– А ты не слишком резко реагируешь? – Дайрус устало откинулся в кресле.

Райгард в бешенстве стукнул кулаком, припечатав к столу древнюю карту:

– Резко? Велзар с отрядом отправился отбивать нападение людей Кэйрона на деревню. Когда её жители не оказали им должного почтения, они расправились с десятком мужчин, изнасиловали всех женщин, которых смогли поймать, и я не должен быть резким?!

– Мужики из деревни сами на него напали и порезали двоих! – вмешался Эйвард.

Деревушка находилась в предгорьях. Райгард, узнав о нападении, оказался там быстро. Он не позволит идиоту вроде Велзара помешать его планам! Неужели никто из баронов не понимает, чем кончится для них ссора с горцами или местными жителями? Кто станет помогать насильникам и бандитам, даже если их возглавляет король? Райгард пытался втолковать это Дайрусу, но тот словно уснул в мягком кресле. Зря он потратил столько времени в Рургарде: барон Ривенхед забрал слишком много власти. Велзар принадлежал к числу людей Леониса Чевиндома, Эйвард, однако, уже считал отряд Чевиндома своим. Стервятники! На этот раз добыча вам не по зубам. Райгард уставился на Эйварда:

– Они напали на Велзара, потому что самостоятельно отбили нападение и вовсе не жаждали платить за бесполезную защиту! Они не хотели кормить лишних нахлебников!

– Но ты же сам говорил: продуктов не хватает!

– Поэтому я и ездил в Рургард! Где серебро, присланное две недели назад?

Дайрус смутился, сидевшие за столом бароны заухмылялись, Марция нахмурилась. Райгард долго вёл переговоры с горскими кланами, убеждая их внести вклад в борьбу со скантами и Кэйроном.

– Деньги ушли на оплату моим солдатам, – заявил Дайрус.

Это была ложь. У Дайруса не имелось солдат: отряды принадлежали баронам – именно они платили им, вооружали и приказывали. По мнению Райгарда, деньги осели в сундуке самого Дайруса, а также в карманах баронов и местных властей Корнхеда. Не хватало ещё, чтобы горцы обвинили его в воровстве и перешли на сторону Квинта Беллгора.

В Рургарде разгорались усобицы. Раньше Георг объединял горцев против Макса, теперь кланы выступали каждый от своего имени против объединённых сил Квинта. Беллгор нацелился на титул барона Рургарда и понемногу сколачивал себе армию. Он поднял знамя религиозной войны, начал истреблять эктариан. Райгарду пришлось ездить к каждому вождю, не перешедшему на сторону Кэйрона, и убеждать его поддержать Дайруса. Он и дальше таскался бы по горам – Марция попросила его вернуться. Иногда Райгард думал, что она слишком опекает мужа, хотя Дайрус за время их бегства стал куда больше похож на короля, чем когда правил в Нортхеде. Правда, он частенько смотрел на племянника со странной смесью враждебности и зависти, но, может, это потому, что воины предпочитали слушать Райгарда. Почти все его бывшие Рудокопы, остатки королевской стражи, местное ополчение и кое-кто из людей Георга Ворнхолма называли себя армией Райгарда Сиверса. Ему, чего уж скрывать, это нравилось. У самого бедного барона Сканналии оказалось под началом более двух тысяч человек – больше, чем у барона Ривенхеда.

Эйвард мобилизовал около тысячи, почти столько же привёл Леонис Чевиндом. Йоэл Поллендар и Орвальд Кривенмер вместе собрали около восьмисот. Всё войско Дайруса уже превышало силы Кэйрона в Нортхеде. Самозванец пока не направил армию на юг из-за дождей. Расколовшаяся армия Гиёмона под влиянием денег и посланцев Кэйрона создала две крупных группировки: одна осадил Соуборт, другая захватила Четворт. В их руках находился Малгард. Сканналия представляла собой чересполосицу: север занимали войска Кэйрона, Корнхед подчинялся Дайрусу, дальше к югу поддержка обоих королей зависела от того, кому принадлежали земельные владения, – стороннику Кэйрона или барону, который остался верен королю. Захваченные Кэйроном города давали возможность контролировать основную дорогу из Барундии и Нугардской области в Нортхед. Однако продвижению на север мешал Корнхед. Райгард был уверен: Кэйрон не станет ждать до лета. Ещё перед отъездом в Рургард он выбрал наиболее опытных воинов – они обучали новичков стрельбе из лука, мушкетов и арбалетов, а также владению мечом, секирой или пикой. Отрабатывали нападение конницы, пеший строй и прочие премудрости. Гарик готовил себе подмогу для пушечной стрельбы, обучал учеников изготовлению пороховой смеси, обращению с гаубицами, бомбардами и кулевринами. Ремесленники не покладая рук отливали ядра, делали доспехи с упряжью. Лошадей, фураж и еду собирали по всей округе и более отдалённым сёлам. К сожалению, не обходилось без столкновений с местными жителями – в этом случае солдаты Дайруса часто вели себя не лучше врага. Райгард наказывал виновников, хотя чаще всего мародёрство, грабежи и насилие сходили им с рук. Солдаты хотели есть, денег не хватало. Марция старалась изменить ситуацию, но ни один из баронов не воспринимал советы и возражения женщины, даже собственный муж отмахивался от её мнения по этому вопросу. Быть может, поэтому королева позвала его обратно? Пожалуй, пора вспомнить правила, которые действовали во время борьбы с Айварихом.

В Корнхеде многие роптали, особенно после того, как Болтливый Дунс зарезал шлюху в борделе за то, что она отказалась обслужить его бесплатно. Шлюха – весьма популярная в городе личность – славилась не столько красотой, сколько умением, а также щедростью к беднякам. Они-то и пришли к Дайрусу с прошением покарать убийц – тот кинул им медяков и отправил восвояси. Наутро Дунса нашли зарезанным. Таких незначительных событий было много, часто Райгард узнавал о них случайно или не узнавал вовсе. На этот раз надо что-то делать. Им предстоит решить, ждать тут войско Кэйрона, идти на север самим или идти на юг и отбить хлебные регионы. Во всех случаях им нужна поддержка местных: оставить большую армию в Корнхеде они не смогут. Когда на освободившееся место придут сторонники Кэйрона, крестьяне сдадут им оставленный гарнизон. Райгард не хотел держать людей между молотом и наковальней из-за того, что кому-то нравится вести себя по-свински. Только глупцы гадят там, где живут. Надо убедить Дайруса публично наказывать мародёров и насильников – это в его интересах.

– Ваше Величество, мы должны заботиться о ваших подданных, чтобы они заботились о вас, – Райгард старался погасить гнев. – Если один отряд может разбойничать, то и остальным захочется. Это необходимо пресечь!

– Да брось, ты собрался их всех повесить?

– Я уже повесил Велзара.

– Как ты посмел тронуть моего человека?! – крикнул Леонис Чевиндом. Его полные губы искривились, показывая не менее кривые зубы. Одутловатое лицо надулось ещё больше. Тусклый свет, проникавший сквозь бумагу, делал его к тому же болезненно-жёлтым.

Барон Ильяс Чевиндом умер незадолго до Праздника Великого Дара, после чего двадцатилетний Леонис унаследовал титул и крайне гордился новым положением. Из-за траура он счёл неприличным участие в празднике и отправился осмотреть унаследованные поместья, примеряя на себя роль хозяина. Это, возможно, спасло ему жизнь; позже он со своими людьми присоединился к Дайрусу.

Поскольку его умерший отец Ильяс приходился кузеном матери Дайруса, Леонис считал себя наследником Дайруса, пока у того нет детей, и смотрел на Райгарда как на узурпатора. Остальные полагали иначе: в Леонисе не текло ни капли крови Свенейва. Леонис, просидевший прошлую войну в заложниках Айвариха, рвался доказать, что он отличный боец, однако его люди больше слушали Велзара, чем барона. Велзар по прозвищу Крепыш, правая рука Леониса, руководил сотней. Он был невысок ростом, но крепок и имел огромные кулаки. Леонис не платил своим людям, взамен позволяя им грабить кого угодно. Примерно так же барон вёл себя на собственных землях, которые ещё до смерти отца почти полностью разбазарил и заложил. Может быть, он сбежал к Дайрусу не столько из преданности, сколько чтобы укрыться от кредиторов и раздобыть денег. Велзар с самого приезда в Корнхед активно занимался мародёрством, контрабандой продуктов, налаживая связи как с Нортхедом, так и с захваченным Малгардом. Наверняка Леонис имеет с этого прибыль. Впрочем, этим занимались многие: Игер не раз таким образом добывал пропитание их отряду. Война войной, а торговля не останавливалась. Дайрус смотрел на это сквозь пальцы. Райгард не стал бы вмешиваться, но когда к нему приволокли Велзара и подробно рассказали о его «подвигах», Райгард на глазах деревни повесил сотника на ближайшем дереве. Остальных мародёров он велел привести в Корнхед в качестве пленных.

– Барон Сиверс должен ответить за самоуправство! Я не позволю... – Райгард поморщился: высокий голос Леониса сильно контрастировал с его крупной фигурой, почти срываясь на визг.

– Неужели вы оправдываете поведение сотника Велзара, барон Чевиндом? – Марция встала, все поневоле сделали то же самое. Без косметики, с зачёсанными назад, собранными на затылке в пучок волосами она твёрдо посмотрела на всех собравшихся, её голубые глаза

потемнели до густой синевы. Райгард улыбнулся, видя, как притихли бароны. Ему показалось, что Марция улыбнулась ему в ответ.

Королева на удивление легко приспособилась к походным условиям, занималась прошениями жителей, госпиталем, вела переговоры с банками, устраивала приёмы для редких иноземных послов и знати. Она переписывалась с Латеей и Лодивией в поисках союзников, но матери писать отказывалась, как Дайрус ни просил. В армейские дела она обычно не вмешивалась – правда, присутствовала на военных советах. Марция давно перестала стесняться своего лица, хотя мужчины до сих пор иногда отводили глаза. Вот и сейчас Леонис покраснел, покосил на Дайруса. Король – Райгард это видел – хотел поддержать Чевиндома, однако что-то ему мешало. Дайрус попросил жену сесть, подождал, пока рассядутся остальные, и заговорил:

– Барон Сиверс и барон Чевиндом, безусловно, правы оба, – Леонис возмущённо вскинулся, Дайрус добавил: – Каждый по-своему.

– Если бы не война, я бы требовал суда для каждого виновного в преступлении. В нашей ситуации это невозможная роскошь. Поэтому если барон Чевиндом поймает за мародёрством людей Сиверса, то вправе поступить с ними так же...

Райгард хотел возразить, но, глядя на расплывшееся то ли от недовольства, то ли от предвкушения лицо Леониса, решил предупредить своих людей, а с Леонисом он поговорит без свидетелей. Не хватало ещё негласной войны.

– Если мои люди поведут себя как люди Чевиндома, я тоже разберусь с ними по примеру барона Сиверса! – заявил Гордей Иглсуд.

Райгард одобрительно кивнул. Гордей изменился за то время, что он отсутствовал. Судя по письмам Игера, парень неплохо справляется с обязанностями начальника королевской охраны. Надо будет назначить его официально. У Гордея не имелось отряда, многие не воспринимали его всерьёз, но Райгард считал: это ненадолго. Должность прибавит ему авторитета. Кроме Гордея были другие молодые люди из знатных семей, не обладавшие богатством, титулом и землями – Райгард хотел привлечь их на свою сторону. Он далеко не все деньги отдал Дайрусу. Ему предстоит перехватить власть у Эйварда, иначе воевать армия начнёт с крестьянами и горожанами. Этого допустить нельзя!

– Твоя преданность барону Сиверсу не имеет границ, – съязвил Леонис, обращаясь к Гордею. – Жаль, ты не умеешь держать слово. Вон, присягнул Кэйрону и сразу сбежал.

Так поступил не только Гордей, но Леонис любил цепляться именно к нему. Между Чевиндомами, Ривенхедами и Иглсудами с давних пор шла постоянная борьба за влияние при дворе, а задирать Эйварда Ривенхеда себе дороже: этот стервятник скорее заклюёт льва, чем позволит ему откусить себе голову. На гербе Леониса был лев, как и у Кройдомов.

Гордей покраснел:

– Я спасал отца, потому дал присягу!

Райгард знал: он стыдится этого. Знал он и другое: выбирая между жизнью отца и ложной присягой, он поступил бы также. Леонис же гордо заявлял, что остался верен слову, хотя имел возможность сбежать от Айвариха. Эйвард на это обычно смеялся и говорил, будто он торчал при Айварихе исключительно из страха.

– Спасал отца? Но ты-то тут, а он в Нортхеде, – поддразнил Леонис Гордея.

– Это он так решил! – Проспер Иглсуд сказал, что он слишком стар, чтобы бежать и сражаться. Он помог сыну выбраться из Нортхеда, сам же вернулся во дворец.

– А ты и рад!

– Хватит! – оборвал Леониса король. – Нам нужно обсудить более важные вещи!

– Совершенно верно! – на этот раз заговорила Марция. – Нам необходимо обсудить вопрос о вере! Я подготовила ряд указов...

Райгард подошёл к окну, с тоской выглянул на улицу. После прошлогодних обысков и бегства Сайрона Бадла его пустующий особняк находился в запущенном состоянии, сад за

окном выглядел неприкаянным. Хотя Марции удалось найти отличного повара, нанять слуг, которые привели дом в приличный вид и очистили колодец, здание всё равно казалось нежилым, здесь многое напоминало о прошлом. Райгард решил подыскать себе жильё в другом месте. Он прислушался к разговору и стиснул зубы: Марция опять говорила о казнях за ересь и упоминание языческих богов. Сколько можно? Им нужна любая помощь, а она даже здесь неспособна забыть о тех, кто не носит струны на шее или лика на струне. Доминиарх Теодор мёртв, сами они живут в изгнании, но Марция упорно мечтает возродить трибунал Свет Веры. У них и так мало сторонников, её идеи ещё больше отвратят людей от поддержки короля. Впрочем, Дайрус-то как раз не стал бы заморачиваться такими вопросами. Почему королева так упряма? Почему не позволит людям верить в то, во что они хотят? И как быть с горцами? Марция ожидает их помощи или заманивает в ловушку? Эти люди верят ему, как верили Георгу, он не позволит причинить им вред! Похоже, сражаться придётся не только с Эйвардом и баронами. Королева может стать куда более опасным врагом, ибо её оружие – вера. У этого оружия никогда не затупится лезвие в бою, оно не сломается от удара. По уговору с кланами несколько сотен воинов скоро придут в Корнхед. Райгард уже сомневался, стоит ли звать их сюда. Судя по словам Марции, им не будут рады, а расправы над горцами он не допустит. Даже если придётся идти против королевы.

Глава 5. Мёртвая вода

Солнечный свет заставил его зажмуриться: он слишком много времени провёл в темноте. Темнота напоминала о резкой боли в животе, потом был безумный полёт сквозь темноту, потом он погрузился в тёплую и тёмную воду, и в этой темноте он умер. Он не заметил, как смерть настигла его, боль ушла, разум потух вместе с дыханием, осталось лишь тепло и мрак. Иногда сквозь тьму прорывались звуки – плеск воды, мелодия флейты, тягучая песня, удары грома и смех. А ещё раздавались голоса – то чётко, то едва слышно. Он улавливал фразы, не понимая их смысла. Однажды голос показался ему знакомым, во тьме проступило бледное лицо Самаи. «Не жалейте крови», – сказала она, взмахнула огромными чёрными крыльями и взмыла в воздух – он не успел её остановить. А потом... сердце словно оборвалось – откуда у мертвеца сердце? – и безудержная сила потащила его сквозь пространство.

Он не знал, сколько прошло времени с момента смерти. Это было странно: он верил, что, умерев, узрит путь к свету. Вместо этого он застрял неизвестно где и неизвестно зачем. Или это и есть загробный мир? Ты лежишь в тёмном гробу, слушая внешний мир за его стенками?

Свет, появившийся внезапно, ослепил его; когда глаза приспособились, он медленно открыл их. Солнце согревало руки на шерстяном одеяле. Он машинально ощупал ткань, ощущая её структуру. Сквозь затянутое слюдой небольшое окошко он не видел, что творится снаружи. Он повернул голову, осматривая помещение. Простой стол, пара табуреток, деревянный сундук в углу. От огромной кирпичной печи несло приятным жаром и запахом еды. На столе свалены какие-то меха, на стуле – одежда. Он лишь теперь заметил, что на нём самом только просторные домотканые штаны и рубаха.

Он попытался понять, как оказался в этом незнакомом месте. Кажется, его ранили, потом... Потом он летел во тьму... Нет, если бы он умер, то не чувствовал бы жёсткое дерево под собой. К тому же, мертвецов не одолевает желание помочиться. Может, ему приснилась смерть, а на самом деле его спасли? Кто? Он напрягся: в памяти всплыли куски боя, падающая лошадь, оперение, торчащее перед глазами. В ночи перья казались чёрными – это он помнил.

– Рад, что вы вернулись, господин Сиверс, – услышал он и присмотрелся. Мужчина в тёмных штанах и длинной рубахе почти сливался с комнатой. При осмотре он его пропустил. Или просто принял за призрак в мире мертвецов? Но, кажется, мужчина вполне себе жив, отметил Ноэль. Судя по виду, ему лет пятьдесят. Выглядел он молодо: худое вытянутое лицо почти без морщин, густые русые волосы и длинные усы.

– Где я? – прохрипел он, не узнав собственного голоса.

– Вот, выпейте-ка, – мужчина тяжело поднялся с лавки, вытащил из каменной печки кувшин и налил в массивную глиняную кружку какой-то напиток. Ноэль протянул к ней дрожащую руку и тут же опустил.

– Ничего, это пройдёт, а покуда я помогу, – весело подмигнул мужчина и поднёс кружку ко рту.

Напиток оказался горячим. Ноэль благодарно отхлебнул немного и тут же закашлялся. Горло обдало жаром, как от той печки, голова начала проясняться. Самочувствие заметно улучшилось, Ноэль повторил вопрос.

– Где вы? – мужчина пожал плечами. – Да кто же знает? Здесь, вот и всё.

– Здесь? – странный ответ вызывал новые вопросы, но прежде всего надо было кое-что сделать.

– Мне надо в уборную, – боль в мочевом пузыре усилилась, когда он сел на кровати. Выпитая жидкость тоже давала о себе знать.

– Само собой, вон туда, – мужчина указал на дверь и подошёл к кровати. Ноэль не стал отказываться от помощи – если даже рука не может удержать кружку, ноги точно не выдержат.

Мужчина вывел его на крыльцо и махнул рукой: шагах в пятидесяти стоял покосившийся дощатый сарайчик, похожий на постройки крестьян в Тенгроте. Ноэль сглотнул. Пятьдесят шагов сейчас кажутся бесконечными.

– Да что вы в самом деле? Вон кусты рядом, – усмехнулся мужчина. – У нас тут попростому. – Он придерживал Ноэля за плечо, пока тот, пошатываясь, делал своё дело.

Когда мочевого пузыря опустел, Ноэль затянул штаны, огляделся. Солнце над головой освещало горы, долину, реку. Места были Ноэлю незнакомы. Он много где побывал, хотя Райгард частенько называл его домоседом. Ни разу в Сканналии ему не встречалось мест, где горы почти нависали бы над домами, уходя так высоко в небо. Их вершины покрывали белые снежные шапки, убегаящие вдаль, насколько хватало глаз. Может, он в Рургарде? Сын, наверное, привёз его сюда... Но в Рургарде нет таких высоких гор.

В зелёной долине тут и там притулились несколько десятков домиков навроде бревенчатого сруба, рядом с которым стоял Ноэль. Между домов ходили люди, занимаясь вполне себе обычными делами: возделывали огороды, кормили коров и свиней, готовили еду, разделявали туши.

Мужчина, пока Ноэль осматривал окрестности, деловито потопал к колодцу, спустил привязанное к вороту ведро вниз и зачерпнул воды. Перелив её в другое ведро, стоявшее рядом, мужчина неторопливо пошёл к двери. Деревянное ведро покачивалось, расплёскивая воду через край. Ноэля заворожило это мерное раскачивание обычного ведра. Он отвык от такой жизни в Нортхеде и поездке по горам.

Несмотря на солнце, Ноэлю стало холодно. Удивительно – мужчина, одетый всего лишь в простую суконную рубаху, раскраснелся как от жары. Он поднялся на крыльцо, Ноэль проскользнул за ним в тёплую избу. Он тяжело дышал и мечтал добраться до кровати. Ему это удалось сделать без чужой помощи. Он с облегчением рухнул на одеяло.

– Поесть хотите? – деловито спросил мужчина. Ноэль вдруг понял, что не знает его имени.

– Как вас зовут?

– Да как вы меня только не называли, – усмехнулся мужчина. – И чёрт, и призрак, и спаситель, и даже кость в горле. Коли хотите звать, как зовут другие, так зовите Барсом.

– Барсом?

– Ага, прозвали меня так, а почему, я уж не помню. Да и какая разница, правда? – Ноэль никак не мог привыкнуть к его манере выражаться.

– А меня зовут...

– Ну уж ваше имя мне известно. – В самом деле, вспомнил Ноэль, он произнёс его раньше.

– Откуда вы меня знаете?

– Это простой вопрос, но на него нет простого ответа, – мужчина задумался. – А как вы думаете?

Ноэль нахмурился. Впервые он ощутил беспокойство.

– Откуда мне знать? Кто-то привёз меня сюда?

– Именно так, – повеселел мужчина. – Сама Смерть и привезла.

Ноэль уставился на него.

– Слушайте, давайте перекусим, а?

Барс – Ноэль с трудом выговорил про себя эту кличку – пошуровал ухватом в печке, вытащил чугунный котелок. Когда он поднял крышку, запах курицы защекотал ноздри – рот Ноэля наполнился слюной. Вопросы застряли в глотке. Через несколько минут он уплетал наваристый куриный бульон.

– Эй, осторожнее, – Барс похлопал его по плечу. – Сколько дней без нормальной еды. Дайте желудку привыкнуть, не торопитесь.

Дней? Ноэль едва не подавился.

– А вы как думали? Это из живого трупом стать можно за одно мгновение, а вот обратно возвращаться из мира мёртвых в мир живых это не хухры-мухры. Повезло вам. Или, напротив, не повезло, – хихикнул Барс. Ноэль решил, что лучше сначала доест, и принялся уплетать ложку за ложкой.

Барс тоже придвинул глиняную тарелку, положил себе курицы с кашей. Они молча поели, потом Барс предложил Ноэлю выпить отдававший хлебом напиток с запахом трав. Он пузырился пеной, подобно пиву, вкус был необычным. Пожалуй, напиток ему нравился.

– Никогда такого не пробовал, – удивлённо сказал Ноэль.

– Это гира. Предки ваши знали её, да забыли, – Барс наблюдал за Ноэлем, прищурив глаза. – Мало где её теперь делают, предпочитают пиво да медовуху, чтоб веселее жить. Чем хуже люди живут, тем их больше к веселию тянет, правда?

Допив гиру, Ноэль поставил локти на стол и положил подбородок на сцепленные руки. Он чувствовал слабость и сонливость, но мысль о сне вызывала страх. Чем чёрт не шутит, вдруг он не проснётся. Вдруг это всё тоже сон? Ноэль вспомнил жар от печи, жёсткие доски кровати, боль в мочевом пузыре и успокоился: сон не бывает таким настоящим. Что же это за место? Кто эти люди? Где Райгард и Дайрус? Вопросы теснились в голове – почему-то Ноэль не решался задать их прямо.

– Уф, хорошо! – Барс снова подмигнул, громко стукнул деревянной кружкой о длинную столешницу. Ноэль вздрогнул. – Ну вот, теперь можно и на вопросы поотвечать, коли ты не передумал их задавать. Не передумал? – Он как-то легко перешёл на «ты». Ноэль не стал его поправлять.

– Ну пытай, что хотел знать, по возможности я отвечу.

– Где я? Это Сканналия?

– А где ты находился перед тем, как попасть сюда?

– Мы бежали из Нортхеда на север, потом была драка...

– Куда на север?

– Что? – растерялся Ноэль.

– Докуда ты добежал?

Ноэль удивился вопросу, потом сообразил:

– До Марваги. Мы добрались до границы Иштирии. – Он снова услышал звон стали, почувствовал стрелу в теле, увидел глаза стражника, который протягивал ему руку, а потом...

– Я упал в реку! – Ноэль задрал рубаху и уставился на живот. Он помнил, как выдирает из собственного живота стрелу, пропорывшую кишки. Рана должна была убить его! Как он мог выжить, да ещё в воде? Ноэль растерянно осматривал совершенно чистую кожу на животе – ни следа раны он не видел. Он поморгал, стряхивая наваждение. Этого не может быть! Только теперь он понял, что не чувствовал и боли в ноге – боли, преследовавшей его с юности. Он даже не хромал, как обычно, ноющая боль внутри тоже исчезла. Ноэль прислушался к ощущениям, боясь верить. Так он умер? Ноэль поднял взгляд на Барса и ошарашенно посмотрел ему в глаза. Тогда это кто?

– А я-то думал, когда ты сообразишь? Видать, тяжело тебе в жизни пришлось, немало крови пролилось, чтобы тебя на ноги поставить.

– Какой крови?

– Той, что течёт в венах, пока человек жив.

– Чьих венах?

– В венах твоей судьбы, господин Сиверс.

– Моей судьбы? – Ноэль чувствовал себя идиотом из-за постоянных переспросов, но Барс отказывался говорить яснее.

– Конечно. Твоя судьба принесла тебя в наш мир, она же омыла твои раны, вдохнула жизнь и поделилась кровью. Наверное, она решила, что ты того стоишь.

– Кто она? – Перед глазами опять возникло лицо Самайи. Ноэль отогнал видение. Какое отношение она имела к его путешествию?

– Об этом мы поговорим позже, когда ты лучше узнаешь нашу страну, а мы лучше узнаем тебя.

– Вашу страну?

– Ну, конечно. Иштирию.

Ноэль боялся услышать это название, хотя уже давно оно вертелось на языке. Река унесла его на север и, вместо того, чтобы убить, вынесла к этим людям.

– Ну, не надо так грустить, – оскалился Барс. Зубы у него были ослепительно белые и здоровые. Сам Ноэль давно лишился одного зуба, а два иногда нестерпимо ныли... Он невольно провёл языком по зубам: одного по-прежнему доставало, остальные не болели ни капли. Что происходит?

– Видишь, есть польза от твоего пребывания тут, верно? – Барс передразнил его, водя языком по зубам. – Не старайся – тебе не найти у себя прежних болезней.

– Но как такое возможно?

– А ты не слышал в детстве сказок про мёртвую воду?

Конечно, он слышал эти сказки, сам пересказывал их сначала Дайрусу, потом Райгарду. В этих сказках мёртвая вода залечивала раны. Райгард как-то потребовал найти ему такую воду, когда сломал ногу и не смог играть, потом пообещал, что сам её отыщет, и тогда отец перестанет хромать. Ноэль был тронут, хотя больше такие сказки сыну не рассказывал. Дайрус обожал разыгрывать из себя воина Иштирии. По легенде эти воины благодаря волшебным источникам жили вечно и не болели, их раны исцелялись мгновенно. Ноэль так и не убедил мальчика, что это всего лишь сказки.

– Я знаю сказки о Воинах Иштирии...

– Да-да, – прервал его Барс. – Воинах, жрецах и ученых, которые ушли от произвола и глупых междоусобиц, создали новый мир там, где нет царей, где правит справедливость и красота. Какая чушь, правда?!

– А это не так?

– Ну, в какой-то мере так, – Барс словно задумался. – Только звучит по-дурацки. Воинов да учёных у нас хватает, но гораздо больше тех, кто просто работает на полях и в мастерских. Люди всюду люди: кому-то надоело терпеть неразбериху, кто-то искал места, где за тобой не будет зорко следить подозрительный или сладострастный правитель, кто-то устал воевать за чужие интересы, кому-то не хотелось попасть под раздачу, когда шла охота на волхидов. Некоторые искали чуда.

– Чуда?

– Ну да, ведь в Сканналии волшебство ушло в Летопись, а здесь, в Иштирии, оно сохранялось в воде, в воздухе, в тумане, в снегах и горах, вот и образовались два ордена любителей магии: один остался там, другой ушёл сюда.

– Два ордена? – Об этом сказки не упоминали.

– Один орден назвался Жрецы Летописи. Они считали, будто эта вещь – божество, поклонялись ей, приносили жертвы, пытались сделать так, чтобы она перестала зависеть от крови Свенейва. Они залили Летопись кровью своей и своих детей, других невиновных, – в голосе Барса прозвучало отвращение.

– Я об этом не слышал, – признался Ноэль.

– Времена уходят, свидетели умирают, события стираются из памяти – это обычное явление, да и орден был тайным. Жрецы Летописи не распространялись о себе ни в те времена, ни в эти.

– Разве они существуют донныне? – удивился Ноэль.

– Пока существует Летопись, пока её сила держит в руках твою страну, будут существовать те, кто мечтают этой силой владеть.

– Вы говорили, они поклоняются Летописи как Богу.

– Все, кто поклоняются Богу, хотят воспользоваться его силой, не задумываясь над тем, смогут ли они её удержать и принять. Наш орден нашёл другой путь.

– А как ваш орден называется? – полюбопытствовал Ноэль.

– Да никак. Хошь, зови Воины Иштирии, а то можно покрасивше: Жрецы Ледяного Тумана, – рассмеялся Барс. – Разве в названии дело?

Ноэль покраснел: он как раз и называл жителей этого мира Воинами Ишритии. Будто он виноват, что так их называли в сказаниях?

– Мы не пытаемся подчинить ни магию, ни друг друга. В нашем мире законы не подчиняют одних другим, а распределяют обязанности и права, устанавливают общие для всех правила – все вместе мы живём как один организм.

– Насколько велик ваш мир? – Ноэль понятия не имел, как далеко простирается Иштирия. До её северной оконечности не добирался ни один человек, насколько он знал.

– Видел деревню? – Ноэль кивнул. – Ну вот таких у нас десятки, ещё есть город – столица наша вроде как. Там наши правители обитают и стараются поменьше вмешиваться, пока всё идёт как положено.

– А как положено?

– О, это в двух словах не расскажешь. Я тебе покажу всё, когда ты малость окрепнешь.

Поездим по разным местам.

– Поездим? – Ноэль не собирался никуда ехать. Он должен вернуться домой.

– Ну, не бойся так, юноша, – глядя на Ноэля, посоветовал Барс.

«Какой я ему юноша? – нахмурился Ноэль. – Вряд ли он намного старше». Барс улыбнулся:

– Ты, можно сказать, новорожденный, новую жизнь обрёл, вот и юноша. Отныне начнёшь жить с чистого листа, как наши учёные любят говорить. Каждый, кто прибывает к нам, отказывается от прошлого.

– Но я не собираюсь отказываться от прошлого, – заволновался Ноэль. – Пожалуйста, я должен вернуться в Сканналию. Там мой сын, моя жизнь...

– Ошибаешься. Твой сын наверняка уже оплакал тебя, твоя жизнь там окончилась. Ты мертвец, как все мы, – Барс говорил спокойно, слегка улыбаясь. По спине Ноэля пробежал холодок. Ему вдруг стало плохо, словно он лишился почти всей крови. Руки и ноги затряслись мелкой дрожью. С трудом он разобрал голос Барса сквозь звон в ушах:

– Многие прибывают сюда, мы принимаем их охотно, лечим их раны, если требуется. Они устраивают свою жизнь, находят себе занятия, стоят дом, изучают законы. Главный наш закон, нарушить который невозможно, состоит в том, что назад дороги нет. Отсюда никто не возвращается. – Барс наклонился над столом, его последние слова прозвучали как приговор:

– Ноэль Сиверс для Сканналии мёртв. Ты никогда не вернёшься домой.

В последнее время Самайя чувствовала себя плохо и с трудом выбиралась наружу подышать воздухом. Однажды Ванда застала её в коридоре, где Самайя сидела на полу, и развязно поинтересовалась, не нашла ли она себе мужчину и не заимела ли от него ребёнка. Самайя молча поднялась и ушла, пошатываясь от слабости. Она не хотела говорить с Вандой, зная, что происходит с Георгом.

Сегодня ей пришлось оставить дворец ради зрелища, обещанного публике королём Кэйроном. Ливший несколько дней подряд дождь прекратился, тучи слегка рассеялись. Народу на площади хватало. Кэйрон велел и Самайе прийти, показывая свою власть над нею. Она

могла ему не подчиниться, но ссориться с королём неразумно. У него было отвратительное настроение: флот уплыл в Барундию. Корабли вышли из Северной гавани ночью, не поставив короля в известность. Летопись сообщила о приказе, полученном одним из капитанов: Маэрина не желала оставлять Кэйрону корабли. А может, дело в бунтах моряков, не все из которых приняли новую веру. Маэрина сделала ещё кое-что: её солдаты перешли границу Барундии и добрались до южного берега Нейского канала, где и закрепились. Жители Нугардской области собрали ополчение, установили пушки у Дройхедского моста, однако юг Нейского перешейка остался в руках Маэрины. Благодаря флоту она снова, как когда-то при Айварихе, блокирует Южную гавань.

Самая поймала чей-то взгляд – она привыкла, что на неё смотрят. При Дайрусе это делали украдкой, сейчас высокий лысый мужчина в серой накидке без рукавов и длинном синем камзоле смотрел на неё со злобой и ненавистью. Самая опустила глаза. Она не боялась чужого гнева, не боялась расправы – она боялась, что её жизнь оборвётся так не вовремя. Меньше чем за два месяца правления Кэйрон снискал всеобщую ненависть, вместе с ним эта ненависть распространялась на тех, кто ему служил. Даже королевские стражники не решались ходить по улицам поодиночке.

Кэйрон постоянно приказывал Самайе присутствовать то тут, то там – не имея возможности читать Летопись, он хотя бы так показывал свою связь с древней магией. Да, люди боялись магии. Раньше страх был наполнен восхищением, страхом или благоговением, теперь осталось лишь глупое недовольство – оно исходило от многих жителей Нортхеда.

Самая знала причины: резня на балу унесла жизни не только аристократов, но и горожан, которые служили при дворе или просто попали под горячую руку на улицах. Врата Покоя после её возвращения не закрывались несколько дней. Самая заносила имена умерших в рукопись, чтобы по-своему почтить их память. Из аристократов погибли только племянник Проспера Иглсуда Тимотей, сын барона Данрога Сигурд и один из Ривенхедов. Остальные смирились и присягнули Кэйрону. Одни потом бежали к Дайрусу, другие продолжали жить как ни в чём не бывало. Но главное заключалось в ином. Самая не знала, понимает ли Кэйрон, что языческие обряды вызывают у людей непонимание, старые идолы для них значат не больше, чем пни деревьев, спиленных на постройку кораблей. Сканты задумали невероятное – повернуть время вспять. Время, как и река, течёт в одном направлении. Время древних богов ушло. Эктариане с зарианцами рвали друг другу глотки, хотя Бог у них всё равно был один. Как бы они ни клялись Таркуруном во время грозы, как ни жаловались богине Судьбы Леде на судьбу, но те, кто при Айварихе отказался от святых и монастырей, не откажутся от Бога, в которого верили с детства, не снимут струну – будь она с ликом или без него. Если сканты считали, что смогут повторить деяния Валамира, силой заставившего сканналийцев носить струну, то их ждёт разочарование и протесты, в том числе покушения на короля.

Мелкие драки на улицах и в храмах разрастались, имя Дайруса становилось символом борьбы за веру. Кэйрон, всеобщий любимец ещё недавно, превратился в ненавистного тирана.

Сегодня казнили человека, покушавшегося на жизнь Кэйрона. Толпа горожан явно соперничала убийце. Мужчины и женщины хмуро ждали начала казни, кидая злые взгляды на трибуну с высокими гостями и сочувственные – на Фелмана, которого палач приготовился вытрошить перед четвертованием. Приговор прозвучал быстро. Самая не уловила его смысла, толпа же глухо роптала, пряча возмущение. По словам Дима, когда казнили предыдущего мужчину, устроившего на Кэйрона покушение, стояла звенящая тишина, только треск костей и крики жертвы разносились над Волхидской площадью. Своё имя он не назвал даже под пыткой. Истинная Летопись знала его – Самая записала, что Дэрах Палмир колесован на Волхидской площади за покушение на короля. Вернувшись во дворец, Кэйрон добавил, что чернь слишком неблагодарна – попыталась освистать глашатая, а потом палача.

Предупреждая возможные протесты, Кэйрон приказал Марику оцепить площадь и расставить лучников в окнах домов, чем усилил злость: все помнили, чем это кончилось при Айварихе. Горожане не решались на открытое недовольство, но гул толпы и напряжение ощущались повсюду и были угрожающими сами по себе. Голова закружилась, Самая незаметно опёрлась о перила трибуны, наклонившись вперёд. Мимо пролетел камень, брошенный из толпы: он оцарапал щёку и, стукнувшись о деревянный пол, покатился по доскам. Кэйрон подскок, махнул страже – из толпы выцепили доходягу в лохмотьях, который орал что-то о вере и узурпаторе. Один из стражников по приказу Кэйрона затащил его на эшафот и живо отсёк голову. Она покатила по неровному деревянному настилу и упала с эшафота. Никто не бросился её поднимать или макать платки в кровь жертвы, как многие делали раньше. Напротив, толпа отхлынула от эшафота. Самая спиной ощутила неуверенность и страх стоявших вокруг короля дворян. Люди не хотели вести себя как обычно на публичных казнях.

На эшафоте Железный Бык тем временем ловко вытащил окровавленные потроха Фелмана, который следил за его действиями потускневшими глазами. Самая знала, что говорить он не может, – ему вырезали язык. Когда палач приступил к четвертованию, послышались отдельные подбадривающие крики в адрес жертвы. Умиравший молился про себя, иногда мычал от боли.

Холодный весенний ветер заставлял всех кутаться в накидки и плащи, многие на трибуне нетерпеливо поглядывали то на короля, то на небо, где опять собирались тучи. По мнению Самой, Кэйрон тоже предпочёл бы уйти, но он боялся толпы. Король хотел сначала разогнать её – для этого ему придётся выстоять до конца. Железный Бык, взглянув на трибуну, ускорил казнь и последним ударом отрубил Фелману голову. Самая услышала шевеление за спиной – все хотели спуститься вниз. Тут произошло нечто необычное: мужчины на площади как один сняли шляпы. Никто не расходился, пока стражники не начали разгонять народ.

Лишь после этого Кэйрон и остальные стали рассаживаться в поджидавшие их кареты и паланкины. Самая с трибуны осматривала пустевшую площадь. Сумерки постепенно скрывали пятна крови на эшафоте, нахмуренные лица горожан. Напряжение не уходило – она ощущала его буквально кожей, как и первые капли дождя, упавшие со свинцово-серого неба. Она всматривалась в окна, где стояли лучники, её взгляд скользил по крышам, уши пытались уловить то, что прятала тишина. Самая не понимала, откуда у неё чувство, будто сейчас что-то случится.

– Мая, пошли! – услышала она голос Кэйрона. Король нетерпеливо зашагал к роскошной карете с новеньким королевским гербом в виде жёлтого грифона на красно-белом фоне. Он поставил ногу на ступеньку и на миг замер, оглядываясь по сторонам. Многие дворяне давно покинули площадь. Кэйрон смотрел туда, где у эшафота сжигали тело жертвы, как перед этим сжигали её потроха. Самая медленно спустилась с трибуны, подошла к королю. Яркий огонь пылал в сумерках, треск дерева разносился над площадью вместе с запахом палёной плоти и шипением воды на горящем дереве. Кэйрон собрался подняться в карету, но тут раздался грохот, ему в лицо полетели щепки. Король машинально пригнулся. В дверце, прямо в левом теле грифона, зияла дыра. Самая оглянулась назад – туда, откуда раздался выстрел, – и поняла, что стоит как раз между королём и стрелявшим. Если она отступит, Кэйрона застрелит неизвестный стрелок... Она уловила силуэт на фоне темнеющего неба – человек стоял на крыше дома напротив – и сжала кулаки. Она ничего не будет делать, как положено летописцу. Раздался выстрел, на этот раз пуля попала в цель. Кого хотел убить тот человек – Кэйрона или её? Самая чувствовала жуткую боль в груди, сердце норовило вырваться наружу, кровь пропитывала платье. Она слышала голоса, топот ног, Марик кого-то отправил на крыши, Кэйрон отдавал приказы. Её затащили в карету, уложили на мягкий ковёр, покрывавший широкую скамью. Кэйрон что-то крикнул вознице, карета понеслась вперёд. Тело охватила жуткая слабость, к горлу подступала тошнота, шея вспотела, боль в груди разрасталась. Она была одна

в карете: очевидно, Кэйрону в суматохе не пришло в голову попросить кого-то сопровождать её. Что ж, лучше умереть в одиночестве... Закрыв глаза, она вспомнила полёт над Марвагой, перед глазами возник туман.

«Я поплыву в Страну Ледяного Тумана, – подумала она, – но меня понесёт не волшебная вода...» Вода! У неё есть та бутылочка!

«Никогда с ней не расставайся, – услышала она голос Главного Мудреца. – Через полгода её действие ослабнет, до тех пор носи её с собой! Никому не говори о ней, никому не давай! Если окажешься на пороге смерти, она тебя спасёт. Только тебя, помни, летописец! Ты обязана выжить!».

Да, обязана, ради Ноэля, ради Сканналии. Самая нащупала склянку под платьем. Она носила её всегда, даже ночью в собственной комнате. Мокрыми от крови, почти негнуцимися пальцами она с трудом отвинтила серебряную крышку; та повисла на тонкой цепочке, закреплённой на оправе флакона. Самая поднесла склянку ко рту, вода полилась в горло. Немного воды она вылила на грудь. Зачем-то завинтив крышку обратно, она снова сунула её под платье и откинулась на скамью. Что теперь? Сможет ли вода залечить рану? Когда карета добралась до дворца, сердце дёрнулось и остановилось, словно решая, биться дальше или замереть навеки.

Глава 6. Новый порядок

Ванда со злостью пнула кровать и бросилась на неё прямо в новом платье, сшитом для Кэйрона. Оно было очень открытым, но король и не думал смотреть на неё. Он вёл себя как когда-то Георг: словно она украшение или игрушка. Его куда больше волновало то, что эта Мая схлопотала пулю в грудь. Как он суетился вместе с оравой скантов! Пригнали лекарей, поймали с десятков нортхедцев, а в итоге? Две трофейных аркебузы на крыше, пытки торговцев, продавших эти ружья, обыски у всех, на кого они указали, несколько новых казней – таковы последствия нападения, Мая же на следующий день появилась как ни в чём не бывало. Теперь все шепчутся, будто её нельзя убить. Жители Нортхеда стали ещё больше бояться и Летописи, и нового короля.

Ванда тоже воспряла духом: выздоровление Маи показалось ей хорошим предзнаменованием. Если Мая смогла выжить, значит, и Макса можно оживить. Когда она задала этот вопрос Захару, намекнув, что не желает ждать осеннего равноденствия, тот просто послал её подальше. Вообще, её выводила из себя неясность собственного положения при дворе. Пару раз новый король делал попытки затащить Ванду в постель, но она не хотела становиться его шлюхой, какой была Илза при прежних королях, а потому попытки заканчивались бесплодно. Кэйрон ждёт возвращения этой уродины! Что тогда станет с Вандой? Да Марция повесит её сразу же!

Ванда давно об этом думала. Кэйрону нужна кровь Свенейва, значит, он будет добиваться Марции любой ценой, сканты ему помогут. Иной раз Ванда ловила себя на мысли, что не прочь занять место королевы. Жаль, кровь не та, будь оно всё проклято! Кэйрон ей не достанется, а Макс... Даже если удастся его оживить, он по-прежнему её брат... Проклятье, она скоро на стенку полезет от неопределённости и одиночества! Вроде всё идет по плану, только по чьему?

А тут ещё мучения Георга начали ей приедаться. В самом деле, сколько можно смотреть на одно и то же? Этот холодный ублюдок отказывался умолять о пощаде. О, наверняка ему было больно, он кричал, извивался, как все, но просить – он скорее откусил бы себе язык. К сожалению, самые интересные пытки пришлось запретить, чтобы не попортить тела. Жаль, до осеннего равноденствия ещё четыре месяца. Ладно, ради возвращения Макса она потерпит. Что потом, Ванда не совсем представляла. В глубине души она до сих пор сомневалась, можно ли воскресить человека. Когда Кэйрон пришёл к ней с предложением помочь ему стать королём, Ванда вспомнила наёмки брата, любимые им сказки и, сама не зная почему, потребовала необычной платы. Кэйрон посмеялся. Позже он всё-таки привёл Захара, который предложил провести обряд. Тогда Ванда была как в лихорадке и усомнилась лишь после восхождения Кэйрона на трон. А если он прав? Не лучше ли избавиться от Георга, начать новую жизнь? Без мужа и без брата. Нет! Она отогнала эту мысль. Она не предаст брата! Она обещала себе и ему!

Увы, после бегства Дайруса всё шло не так, как она представляла. Кэйрон занимался делами, а её не приглашали ни на один бал и приём. Все смотрели на неё с презрением, словно говорили: ты предала короля, предала мужа, предала... Ну и что? Они разве не сделали то же самое, присягнув Кэйрону на верность, хотя Дайрус вполне себе жив? Игلسуды, Данроги, Холмкресты, Узенреки, Беллгоры остались и приняли новые порядки; те, кто бежали к Дайрусу, потеряли дома и богатства. Всё, на что Кэйрон смог наложить лапу в Нортхеде, пошло в казну и на оплату солдатам, загородные поместья также объявили собственностью казны, хотя большинство находились на территории, которая не подчинялась Кэйрону. Сканналия снова раскололась: Нортхед в руках Кэйрона, Корнхед – у Дайруса, остальная территория страны не принадлежит никому. Кэйрону ещё предстоит доказать на неё свои права. Ванда не знала, сумеет ли новый король это сделать.

За два месяца он не обеспечил даже порядка на улицах. Люди боялись начала войны, грабежей и насилия. Страх висел в воздухе, перемешанный с ненавистью и неуверенностью в

будущем. Внешне вроде бы ничего особенного не происходило, магазины и мастерские работали. Потом оказывалось: жизнь вокруг поменялась. Ванда то видела заколоченную дверь знакомой харчевни, то не могла купить любимое лакомство в ближайшей лавке, потому что её хозяин погиб, то швея, шившая ей платья, сетовала на невозможность достать нормальную ткань. Торговцы понемногу покидали Нортхед, лавки ростовщиков закрывались, как при Айварихе. Тогда этот процесс растянулся на многие месяцы, сейчас время словно сжалось – Ванда чувствовала это каждый раз, выходя на улицу.

За пределами Нортхеда тоже было беспокойно. После объявления набора в армию недовольные крестьяне, боясь срыва посевной, устроили несколько бунтов. Им это не помогло – под стенами города разрастался военный лагерь. Нортхедцы, не забывшие ни Айвариха, ни Гиёмона, хмуро косились на новоприбывших, которые, в свою очередь, злились на тех, кто вынудил их покинуть деревни и семьи. Они не хотели воевать, однако никто не верил, что войны удастся избежать. Многие запасались продуктами, оружием, обзаводились охраной. Ванда тоже окружала себя слугами, хотя боялась их не меньше бандитов на улицах: слухи о судьбе Георга ходили по Нортхеду, она не раз ловила на себе ненавидящие взгляды челяди. За это она уволила троих, пятеро сбежали сразу после свержения Дайруса – ей пришлось нанимать первых попавшихся, среди которых оказались слуги убитых баронов. В итоге, она не могла положиться ни на старых слуг, ни на новых. Она стала слишком дёрганой, забыла, что такое спокойный сон, запираясь на засов прежде чем лечь в постель. Боясь оставаться дома, она выбиралась на прогулки, но и на улице не чувствовала себя в безопасности. И не только она.

Многие собирали огромные караваны и уезжали на юг: дорога позволяла объехать захваченные скантами города. Кэйрон попытался остановить бегство, чем лишь увеличил размер взятки за открытые ночью ворота. Ванда иногда подъезжала к каким-нибудь воротам и представляла, как на Анхали мчится под их сводами на волю – на юг или в Рургард. Она сама не знала, куда бы отправилась, потом наступало прозрение: её нигде не ждут. В поместье Георга её, скорее всего, прибудут слуги, в Рургарде – осмеют и казнят за предательство мужа. С изменницами там поступали сурово.

Несмотря на это, Ванда мечтала оказаться дома, в знакомых горах, среди снегов и ветра, но что её там ждёт? Там сейчас командуют вожди кланов и Квинт Беллгор. Ванда с детства знала Квинта – белобрысый сморчок никогда ей не нравился. Используя дружбу с Максом, он пытался подкатывать к ней, намекал на совместное будущее и успокоился лишь тогда, когда она подняла его на смех перед мужчинами. Как он запылал от гнева, как стиснул кулаки! Тем не менее, бросить вызов женщине не рискнул! С тех пор Квинт её не жалуется, он последний, к кому она поедет за помощью. Более того, ей совершенно не нравилась та власть, которой его наделили сканты. Квинт нацелился на место её отца, барона Рургарда. Он начнёт уничтожать непокорных, зальёт Рургард кровью. Разрозненные кланы не смогут ему противостоять. О кровавых стычках уже поступали сообщения, их число возрастало. Почему сканты отправили туда чужака? Квинт Беллгор не горец, он из баронской семьи. Более того, он не эктарианин – его дядя, барон Таурин Беллгор, стал зарианцем ещё в начале реформ Айвариха и оставался им до сих пор. Квинт без жалости начнёт вырезать эктариан в горах. Она вздрогнула: этого хотел и Макс. Квинт – не Макс. Рургард должен принадлежать Мэйдингорам. Это – её наследие! Невероятная мысль для женщины, хотя Ванда всё чаще об этом думала. Она внезапно поняла, что желает Квинту поражения. Слишком уж нагло смотрел он на неё перед отправлением в горы. Она не удивилась бы, если бы за свою преданность он потребовал её в жёны. Может, к лучшему, что Георг жив? Она на миг представила, как Георг объединяет кланы и громит Квинта, затем отогнала эту мысль. Георга нет, каждый сам за себя! Она боялась думать, чем это закончится для Рургарда.

Взгляд Ванды зацепился за икону в углу спальни, она решила прогуляться хотя бы в церковь – по крайней мере святые на иконах не будут смотреть на неё с укором. Ванда не

считала себя рьяной эктарианкой, вроде Марции, но любила саму атмосферу внутри соборов, любила слушать музыку на службах, любила росписи и мозаики, украшавшие купол или стены храмов. Там она никогда не ощущала себя лишней, Бог никогда не отворачивался от неё, не называл предательницей. Правда, он и не отвечал на её призывы к мести. Сегодня она не будет просить о мести, решила Ванда. Она просто посидит там, помолчит и наденет что-нибудь, чтобы её не узнали.

В чёрном плаще, с серым платком на голове она походила на многих женщин, сновавших по улицам. Ванда накинула капюшон – моросил дождь, чужие взгляды ей тоже ни к чему, – и ступила на грязную мостовую. Она шла в полном одиночестве, оставив любимую кобылу и слуг дома: ей не хотелось привлечь внимание.

Миновав несколько закрытых храмов, Ванда добралась до церквушки, где отпевали отца. Это была одна из немногих работающих церквей – даже величественный кафедральный собор закрыли. На коронации Кэйрона доминиарх Теодор посмел прочесть проповедь о языческом зле и прямо в лицо новому королю заявил, что любой, кто отринет истинного Бога, будет проклят вовеки. На следующий день его нашли мёртвым, назначать нового доминиарха не стали. Указом короля кафедра упраздняялась, собор закрывался, лишь в нескольких церквях продолжали совершаться службы. Кэйрон не хотел слишком уж накалять и так непростую обстановку. Храмы отныне запрещалось делить на зарианские и эктарианские. Обе веры уравнивались в правах с теми, кто исповедовал языческую веру. Указ короля запрещал всякую вражду, что не мешало верующим резать друг друга в подворотнях. Каждый день находили несколько трупов с разных сторон. Если убийц ловили, то казнили независимо от веры. Волхидская площадь преобразилась после казни Фелмана. Тихо, почти без суеты, опустевшие торговые ряды убрали, эшафот разобрали. Сканты запретили устраивать тут рынок и казни. Поговаривали, на площади восстаноят святилище двенадцати богов. Такие святилища сканты собирались создать по всей стране, как сказал Кэйрон.

Небольшая церковь Св. Рагмира стояла недалеко от Волхидской площади. Ванда вошла, не снимая капюшона. Немногочисленные прихожане украдкой оглядывались по сторонам, следя за новоприбывшими. Ванда надеялась, что её не узнают. Знакомых она, по крайней мере, не видела, зато отметила: среди прихожан есть и эктариане, и зарианцы. Те и другие молча косились друг на друга, не пытаясь начать резню.

Ванда медленно, не оглядываясь, ступала по мозаичному полу центрального нефа, потом свернула направо, к своей любимой картине, написанной сто лет назад. Ванда любила эту картину – небольшую, изображавшую Миру с маленьким сыном Зарией на фоне одинокой скалы. Автор картины сумел передать чувства матери к ребёнку, а не к сыну Божьему. Ванда, которая не знала матери, именно такой и представляла её. Каждый раз, бывая в Нортхеде, она старалась прийти в эту церковь. К счастью, картину никто пока не тронул. Ванда замерла у неё, скинув капюшон.

Ванду воспитывали эктарианкой, с детства отец приучал её обращаться к одному Богу. В её мире обитали и другие боги – более приземлённые, варварские, по-своему привлекательные. Они жили в сказаниях и легендах, покровительствовали кланам и силам природы – их поминали больше по привычке, чем из веры. В вопросе погребения мёртвых, однако, старые традиции оказались прочны. Георг называл их суевериями, пережитками прошлого, горцы же свято чтит обряды и провожали покойников на тот свет в соответствии с древними обычаями. Двенадцать богов были неотъемлемой частью жизни в Серебряных горах, но, в отличие от Макса, Ванда никогда не жаждала ради их возвращения убить привычную веру. Её коробило то, как сканты и Кэйрон обращаются с храмами и священниками, но она старалась не слишком задумываться о последствиях. Будь что будет!

Ванда погрузилась в молитву – облегчение не наступало. О чём просить Бога? О смерти мужа? Об его унижении? Но Бог вряд ли услышит такую молитву, а сердить его сейчас Ванде

не хотелось, тем более, всё чаще в голову лезли не слишком привычные мысли: а вдруг Кэйрон и Георг правы, и нет никаких богов? Иначе почему одни боги уходят без борьбы, уступая место другим? Почему одна вера порождает непримиримых врагов? Вообще-то, ей было всё равно – пока боги в её жизни появлялись лишь на картинах да иконах. Макс утверждал, что говорил с богами, она верила по глупости, но куда это его завело? Ванде, как никогда, хотелось сейчас узреть истинного Бога, ощутить его силу. Пусть он покарает её за преступления – ей надо знать, существует ли он или это лишь сказки.

Выйдя из церкви, Ванда с удивлением поняла, что уже вечер. Она простояла внутри полдня и не заметила этого. Она пошла ко дворцу, потом свернула на Проточную улицу, вышла на Соборную площадь, недалеко от которой стоял её дом. У кафедрального собора суетились люди. Ванда остановилась. Крики и проклятия, раздававшиеся повсюду, заставили её прислушаться.

– Святотатцы! Разрушители! Прочь отсюда! – толпа скандировала эти и другие – куда менее приличные – слова в сторону каменщиков, устанавливавших на площади какие-то конструкции. Их охраняли стражники Марика Седого. Насколько поняла Ванда, рабочие собрались рушить кафедральный собор.

Это монументальное сооружение строили более века, закончив при Айварихе. Подобных храмов немного насчитывалось и в южных странах, а уж построить такое на севере стоило огромных усилий и средств. Похоже, сканты уломали Кэйрона отдать им это место под алтарь. Ванда не любила собор – такой же холодный, гордый и красивый, как Георг, – но вид лопат, кирок и других инструментов вызвал у неё приступ раздражения: зачем разрушать всё вокруг? Сами-то они пока ничего не построили!

Она увидела, как из собора выносят мозаики и картины, складывая их под навес, защищавший от дождя. Эти работы признанных мастеров стоили баснословных денег. Кэйрон как-то пообещал продать их, если потребуется. Кажется, он не шутил насчёт продажи. Недавно он жаловался на отсутствие поступлений в казну, упомянул, что в Рургарде встали почти все рудники. Ванда знала: рудники работают, просто вожди кланов не торопятся отдавать добытое серебро и другие металлы непризнанному ими королю. Насколько она знала, четыре клана из двенадцати признали новую власть, остальные остались верны Дайрусу и Георгу, как наследнику Валера. Кэйрон по этому поводу постоянно предъявлял претензии скантам, будто они имели власть в Рургарде. Никто не имел там власти – Кэйрон этого не понимал. Её семья смогла объединить кланы, после смерти отца и мятежа Макса от видимого единства не осталось следа. Кэйрон может до посинения требовать присяги, но ему придётся сначала подчинить себе горцев, как сделали когда-то потомки Свенейва. Да и то власть короля Сканналии была скорее номинальной – горцы жили по своим законам.

Тем временем рабочие бросили вынутые мозаики посреди Соборной площади. Ванда сжала кулаки. Неужели Кэйрон не понимает, что так он проблем не решит? Она скривилась. Если этот идиот не способен заставить людей платить налоги, то картины ему не помогут.

– Госпожа сожалеет об утрате эктарианских святынь? – она обернулась на смутно знакомый голос. За спиной стоял Фил Дурошлэп, с любопытством следя за происходящим. Отряд Марика занимался, помимо охраны рабочих, охраной дорогой утвари, расшитых золотом и драгоценными камнями церковных облачений. Их складывали в повозки и под охраной отправляли в сторону дворца. Судьба усыпанных жемчугом одеяний Ванду не трогала, зато когда у мозаики с пола отбили кусок, она едва не обругала рабочих. Очевидно, Фил это заметил. Она плохо его знала: он владел известной пивной, популярность которой после прихода Кэйрона к власти среди обычных горожан упала, зато стражники и сканты посещали её исправно. На втором этаже там был отличный бордель, как говорили. Фил не получил никакой особенной должности при дворе и болтался там-сям.

– Пошёл прочь! – фыркнула Ванда. Что о себе возомнил этот тип? Скант он или нет, она не позволит всякому сброду вести себя с ней так, словно он ей ровня. Ванда заметила: между собой сканты именно так и общаются, независимо от их влияния, богатства или знаний. Все сканты равны, как на подбор, однажды ехидно заметил Кэйрон. Ванда даже задала вопрос Захару – он любил отвечать на вопросы. Тот сказал, что все они – потомки жрецов-волхидов, а значит, потомки богов. Не могут одни потомки богов быть лучше других, они все равны, каждый делает своё дело. Потому, заключил Захар, будь ты уборщик в стойле, владелец ману-фактуры или глава канцелярии, ты – один из многих. Ванда этого не понимала.

– В ваших интересах дать мне договорить, ваша милость. – Вот что ещё вызывало её раздражение: фамильярность и наглость. Фил говорил с ней так, будто насмехался, противно прищмокивая при этом. Ванда резко повернулась к нему, он поклонился и тихо добавил:

– Вы, кажется, не хотели привлекать внимание, ваша милость? – Он указал ей взглядом на рабочих и проклинавшую их толпу. – Незачем им видеть, как благородная дама одна гуляет по тёмным закоулкам, верно ведь? Тут опасно, вы же знаете. Позвольте-ка мне проводить вас, я по пути скажу кой-чего интересное.

– Что ты можешь сказать?

– Дак хочу оказать вам ещё одну малюсенькую услугу.

– Ещё одну? Не помню, чтобы ты хоть раз что-то для меня сделал, – фыркнула Ванда, повернув в сторону дома.

– Ну дак однажды я чуть не прикончил вашего мужа.

Ванда резко остановилась. Она вспомнила стрелу, ранившую Георга, мокрый пригорок и сгоревшее от молнии дерево. Это Фил стрелял?

– Тогда ты промахнулся, так с чего ты взял, что справишься сейчас? – усмехнулась она, придя в себя от такой новости.

– Дак это не я промахнулся, а боги, – возразил Фил. – Молнию-то послали они.

– Но ты не проверил, мёртв ли он.

– Ежели Таркурун послал молнию в жертву, кто я такой, чтоб проверять качество исполнения? – засмеялся Фил. Смех показался ей натянутым.

– Да ты просто молнии испугался, – буркнула она.

– То была не молния, а знак свыше, – Фил вдруг преобразился. Куда-то исчез кривляка и балагур, лицо его стало на миг мрачным и торжественным, даже небритый подбородок с грязноватыми волосиками подчёркивал его решимость. – Я хотел убедиться, но небеса разверзлись передо мной, огонь запылал, моя кожа начала обугливаться! Если б не ливень, я бы сгорел заживо!

Ванда отлично помнила, как гадала тогда, что же случилось, и вот теперь слушала рассказ единственного свидетеля:

– Я отбежал в сторону, а дерево превратилось в факел. Ваш муж лежал рядом – молния ударила прямо в него. Он не мог выжить, я видел вспышку над его головой, видел его душу, и я ушёл. Боги сохранили его, помешали мне, теперь я хочу им отомстить!

– Отомстить богам? – Такого Ванда ещё не слышала.

– Мой Бог – не те двенадцать жалких подобий, которых сканты зовут богами! Мой Бог – это не ваше божество, нарисованное на тех картинках, – Фил кивнул на груды икон и картин на земле. – Мой Бог – выше всего этого, он обладает истинной магией, его сила разрушительна и бесконечна! Я служу лишь этому Богу! Вы можете помочь мне доказать ему мою преданность, я помогу вам избавиться ото всех, кто мешает вам подняться на самый верх, ибо вы – истинный потомок Свенеива!

Глава 7. Дилеммы

– А что вы думаете, барон Сиверс? – вопрос королевы, как всегда, вызвал недовольство не только у короля, но и у других баронов. Райгард заметил, как скривился Эйвард. Йоэл Поллендар буркнул себе под нос очередное ругательство, смахивая пот с лица. В комнате для совещаний было душно, несмотря на распахнутые окна: на улице явно собиралась гроза. Лицо Дайруса потемнело, как небо за окном.

– Мне кажется, лучше дождаться их здесь.

– Почему? – недовольно спросил Дайрус. Он настаивал на походе в Нортхед, хотя у Кэйрона было не меньше семи тысяч, тогда как их войско не превышало пяти тысяч.

– Здесь мы неплохо укрепили городские стены, они не смогут ударить с тыла: нас охраняет озеро, крепость и скала. Если они нападут на нас, их потери будут больше, это позволит нам сравнять счёт. Кроме того, во время похода из их армии наверняка дезертирует немало крестьян. Это нам на руку.

– Только если на нас не нападут с юга, – вмешался Леонис Чевиндом. – Я получил сообщения, что на юге собираются силы из оставшихся солдат Гиёмона и сторонников скантов. Они задавят нас тут. Пока мы ждём мышку в мышеловке, сами окажемся на её месте.

Райгард стиснул зубы: Леонис в чём-то прав, но с чего он взял, что армия с юга не доберётся до Нортхеда, где прихлопнет их, пока они пытаются взять город? А ещё нельзя забывать о гарнизоне в Малгарде, который может присоединиться к войску Кэйрона и тоже ударить в спину. Это куда проще, чем брать укреплённый Корнхед, набитый артиллерией. Райгард всё это уже пытался объяснить баронам. Увы, они жаждали реванша любой ценой. Марция подерживала его, из-за чего Дайрус постоянно допекал её придирками. Только его отношение к матери королева не разделяла. Райгард не раз просил написать Маэрине – Марция качала головой. Дайрус как-то обозвал её дурой. Она пристально на него посмотрела – он извинился. Между супругами вообще происходило что-то неладное: они спали в разных спальнях, избегали друг друга днём. Райгард ощущал неловкость, когда король с королевой обсуждали дела. Дайрус редко возражал жене, она же всё настойчивее добивалась выполнения своих идей.

Райгард не был уверен в собственной правоте, но идти на север слишком рискованно: если они проиграют, всё будет кончено. В Корнхеде они под защитой, взять город можно лишь ценой огромных потерь. К сожалению, пока они не могли рассчитывать на помощь горных кланов: там шла война с Квинтом Беллгором. Вожди не пришлют никого, пока их собственные владения под угрозой. Райгард не раз жалел, что нет Георга, способного заняться делами Рургарда. Он поехал бы сам, не будь нужен здесь. Горожане, несмотря на присутствие королевского двора, со своими проблемами шли к барону Сиверсу. К тому же, Эйвард приберёт армию к рукам, стоит ему уехать, и начнётся самоубийственный поход на север. Этого Райгард хотел избежать.

У него имелись идеи о том, что делать дальше, но как заставить короля им подчиниться? Райгард уже обсудил это наедине с Марцией, она пообещала уладить дело с мужем. С королевой общаться ему, как ни странно, было проще, чем с Дайрусом. Тот вообще избегал лишнего общения, переложив на плечи баронов судебные, финансовые и прочие дела. Король мечтал о битвах. Это Райгард и решил ему предложить:

– Я советую для начала захватить Малгард.

Все уставились на него. Малгард находился примерно в пятидесяти милях на северо-запад, добраться до него проще всего. Там расквартировался небольшой гарнизон Кэйрона, его нетрудно будет разбить, да и город не имел укреплений.

– Но зачем нам Малгард? – недовольно спросил Дайрус. – Он в стороне от основной дороги. Что ты с ним будешь делать? Там жителей-то, небось, почти не осталось.

– Неважно. Главное – он перестанет быть угрозой...

– Од и так дам де угрожает, – вставил Кривенмер и чихнул, его покрасневшие глазки слезились из-за цветущих растений в саду за окном: их пыльца наполняла воздух. Барон с надеждой посмотрел на хмурое небо и снова чихнул.

– Не угрожает, пока мы здесь. Но если идти на Нортхед, не стоит оставлять в тылу врагов.

– Ну так двинемся на север, по пути возьмём Малгард, – предложил Дайрус.

– Это нас задержит, Кэйрон успеет подготовиться, а то и ударит по нам. Нас прихлопнут в Малгарде так же, как мы собираемся разбить их гарнизон.

– Ты предлагаешь отправить туда небольшой отряд?

– Тысячу или две, – подтвердил Райгард. – Возьмём город, а дальше... – Он замолчал. Марция незаметно кивнула ему: она знала, что он предложит. Он едва не улыбнулся ей заговорщицки. – Перекроем дорогу на север. Построим линию обороны, через которую мышь не прошмыгнёт ни в одну сторону.

– Зачем?

– Север окажется в осаде, Кэйрону придётся послать армию сюда.

Как доносили шпионы, Кэйрон собрал тысячи людей, пока не решаясь направить их на юг. Солдаты жаловались на голод и дезертирства, дрались и пили каждый день, воровали и насиловали женщин.

– А флот? Они могут перевезти всё на кораблях, – пожал плечами Эйвард.

– Южная гавань в руках Маэрины, в Барундию или Лодивию они отправиться не рискнут.

– Но зачем брать Малгард? Разве нельзя построить эту линию здесь?

– Малгард – ключ к междуречью Калсы и Волаги. Если не возьмём Малгард, они наладят торговлю по Истре, дальше на юг с Четвортом. Так же они получают подкрепления.

Внезапно створки окна напротив стола звякнули под сильным порывом ветра, влажный воздух ворвался в комнату вместе с первыми каплями дождя. Слуга бросился закрывать окно.

– Отлично! – Дайрус поднялся. – Значит, этим и займёмся!

– Ваше Величество, я готов... – Райгард тоже встал. Ливень уже вовсю колотил по окнам.

– Почему это ты? Я сам возглавлю отряд и возьму город, – резко возразил Дайрус. Райгард заметил, как заблестели его глаза, в них появился азарт, движения стали более пружинистыми и чёткими. Дайрус всегда любил сражения, они его возбуждали не меньше женщин. Райгард не планировал позволять королю так рисковать, но, может, это ему необходимо? Он посмотрел на королеву и заметил странное выражение, мелькнувшее на её лице. То ли жалость, то ли надежда.

Ей пришлось подождать до праздника Рождества Зарии, или, как теперь его называли, Ярогова дня, пока Фил выполнял очередное поручение скантов, но она не пожалела, что поверила ему. Он говорил долго, к концу речи ей хотелось кого-нибудь убить. Ванда никогда не испытывала такой ярости. Она пыталась осознать новости, свалившиеся ей на голову, злость охватывала её всё сильнее, голова шла кругом. Верить ли этому странному типу?

Если он прав... Неужели Валер Мэйдинггор её дядя, а отец – Артур Мэйдинггор? А мать, получается, Рижитта Кройдом? Значит, она наследница короны после Дайруса? То есть вместо Дайруса, так как он уже не король. Ванда лихорадочно вспоминала всё, что знала о судьбе родителей. На память приходили в основном ужасы об их смерти, история их свадьбы с кучей похабных деталей, которые любил пересказывать Макс. Ему почему-то та история особенно нравилась: принцесса по своей воле выбрала горца в жёны, увела его у кузины, отдалась ему прямо на обеденном столе и высмеяла собственную мать, когда та предложила расторгнуть брак и выйти за Айвариха. Рассказывая об этом, Макс обычно подмигивал Ванде, его глаза довольно блестели. Кажется, это его возбуждало, подумала Ванда и вдруг поняла: Макс знал правду. Конечно, в такой небольшой общине сохранить подобную тайну невозможно. Многие

наверняка знали, что она – не дочь Валера, скрывая это, чтобы спасти её от участи родителей. Если бы Макс сказал раньше... Но нет, он хотел использовать её в тёмную, с горечью подумала она. Он не доверился ей и сгинул в тумане без надежды отыскать выход в иной мир. Ванда испугалась своих мыслей и решила вернуться к реальности:

– Если ты мне соврал, я шкуру с тебя сдеру, а потроха скормлю собакам у тебя на глазах, – пообещала Ванда.

– Дак мне незачем врать, моя госпожа, ибо мне нужна ваша помощь, – Фил говорил почти подобострастно, но она ему не верила. Этот прохвост обманет кого угодно.

– А точнее? – Ванда нетерпеливо поёрзала в кресле у стены и покосилась налево – Фил пристроился в соседнем кресле. Между ними притулился столик астурийского малахита, на нём стояли небольшие часы в бронзовом шестигранном корпусе – подобие шкатулки на коротких ножках-шариках. Стрелка на верхней плоскости указывала на цифру 9. Эту маленькую механическую диковинку муж привёз из Шагурии вместе с пистолетом – до тех пор Ванда видела только настенные и башенные часы. Георг любил такие вот новинки.

Помимо малахитового, вдоль стены выстроились деревянные столики с шахматными досками и колодами карт, а также диван. Стену напротив занимали три высоких окна, выходившие в цветущий сад. По окнам барабанил дождь – он почти не прекращался уже много дней.

Они сидели в гостиной дома Георга, Фил даже выпросил бокал красного вина. Ванда глотнула немного из своего бокала и поставила его на столик, прислушиваясь к монотонному тиканью часов. Она любила эту гостиную, поэтому, наверное, ничего здесь не поменяла: светло-зелёные стены с резными деревянными панелями, пейзажи сканналийских и барундийских художников, кресла с обивкой изумрудного цвета. Огромный камин доходил до потолка. Ванда украсила гостиную вазами с веточками деревьев из сада – она предпочитала их цветам, – и запах свежей зелени наполнял комнату. В центре висела люстра на двадцать свечей. Обычно под ней ставили большой деревянный стол, сейчас он не нужен – единственным гостем после Дня Великого Дара был Кэйрон.

– Я хочу видеть вас королевой, вы имеете полное право на трон, разве нет? Не меньше, чем королева Марция. – При упоминании Марции Ванда поморщилась – шрам от её коготков остался на щеке и раздражал Ванду каждое утро при взгляде в зеркало. Она пыталась спрятать его под слоем пудры, но Кэйрон вечно смотрел на неё так, словно видел уловку насквозь. Зачем она связалась с этим болваном? Кэйрон только и делает, что слушает скантов, возбуждает ненависть в народе, устраивает казни недовольных да издаёт законы в пользу язычников. Эктариан и зарианцев он пока не трогал – Ванда была уверена: это ненадолго. Сколько покушений он вынесет, прежде чем начнутся массовые казни? Первая такая случилась после нападения на эту чёртову Маю. Кэйрон в ту ночь схватил и запытал до смерти человек десять, столько же казнил на следующий день, Мая же наутро как ни в чём не бывало появилась на публике. Это вызвало переполох среди всех, Кэйрон приказал ей не появляться вне дворца. Впрочем, он наверняка боялся новых покушений. Ванда скривилась: какие тут покушения, если весь город уверен, что она побывала на том свете и обрела бессмертие. Вот бы с кем поговорить о воскрешении Макса. Кстати, о Мае.

– Если я потомок Свенейва, значит, я смогу приказывать летописцу?

– Ну да, коль станете королевой, – заверил Фил.

– Но как я ей стану? Мой муж жив...

– С вашего-то мужа мы и начнём, – Фил встал и налил вина. Бутылка почти опустела, но в комнате было ещё две. Может, он напьётся и выдаст что-нибудь важное? Ванда пристально изучала собеседника, пока он пил. Один вопрос вертелся у неё на языке.

– Объясни, – начала Ванда, – почему ты идёшь против своих? Почему ты сказал, что их вера не твоя? Ты же свергал Дайруса вместе с ними.

– По другим причинам. – Фил аккуратно поставил пустой бокал на столик. – Как по мне, я не верю, что сканналийцы сумеют вернуть старую веру. Наивно считать, будто горстка заговорщиков удержится у власти, вы не согласны?

– По-твоему, Дайрус вернётся? – не выдержала Ванда.

– Если выживет. – Фил уставился на неё, по спине Ванды побежали мурашки. – Но он не выживет, уж поверьте. Вы окажетесь единственной наследницей и станете королевой. Коли у Кэйрона хватит мозгов, он ухватится за вас, если ж нет... Он тоже не бессмертен, верно? Бессмертие возможно лишь по ту сторону Черты, но мы-то живём по эту.

– Есть не только Дайрус...

– Конечно, прикончить надо всех наследников, вы же понимаете? Их судьба решена.

Ванду передёрнуло: она впервые задумалась о троне всерьёз. Ни разу до этого её не волновало, сядет ли она на него. Как и её мать когда-то, Ванда не испытывала тяги к власти, презирая тех, кто воображал себя властителем над людьми и землями. По горским обычаям женщина вообще не имела права на власть, и когда-то Рижитга со смехом отринула предложение матери выйти за Айвариха. Ванда не помнила мать, но, судя по тому, что она знала, между ними обеими много общего. Она когда-то влюбилась в Георга, ради него готова была воевать с королём, жить в глуши, даже умереть. Матери повезло больше – её страсть нашла утолнение в страсти мужа. Вот если бы Макс... Но и Макс не столько любил её, сколько хотел использовать. Наверное, он просчитал всё давным-давно, или кто-то просчитал это за него. Ванда не была высокого мнения об уме Макса.

– Скажи, когда Захар пообещал мне вернуть Макса живым, он врал? – вдруг спросила Ванда Филя.

– Он говорил правду, потому что это возможно, но он врал, потому что сам он на такое неспособен, – Фил уставился на струи дождя на стекле окна напротив. – Он брал вашу кровь для Летописи, а не для ритуала оживления мертвеца.

– Но его можно оживить?

– Вы этого хотите, моя госпожа? – Фил повернул голову, глядя исподлобья.

– Захар уверял, что если взять тело Георга и голову Макса, соединить мёртвой водой...

– Ну да, но добыть ту воду можно лишь прыгнув в Марвагу. В Иштирии вы найдёте бессмертие, да вот воротиться оттуда не получится. Грань между мирами открывается редко: когда Сканналия на краю гибели, приходят Воины Иштирии, чтобы её спасти. Захар расскажет вам эти легенды лучше меня, не так ли?

– Так это легенды или правда? – подобных сказок Ванда наслушалась с детства. Она уже лет в пять перестала верить в сказки. Это боги живут вечно – люди всегда умирают. И не только люди. Она поняла это, когда попыталась оживить любимого котёнка водой из глубокой и тёмной расселины. Говорили, будто она уходит на тот свет; по ночам души мёртвых выглядывают из неё в мир живых, как на Нортхедском кладбище. Отец... Валер тогда объяснил, что такой воды нет, это всё сказки, и она чуть не заплакала. Но ведь Иштирия есть, Летопись эта проклятая тоже есть, Мая как-то выжила! Последнее обстоятельство особенно бесило Ванду. Она боялась себе признать: Мая её пугает.

– Ну, есть сказание о Тиргалве, который в бою остался без головы. Ему пришили голову быка, окропили водой, и он ожил, – медленно сказал Фил. – Но то было до появления Черты, теперь же источник мёртвой воды растворился в недоступной Марваге.

– Значит, если я пришью голову Макса к телу... к любому телу и брошу в Марвагу, он оживёт?

– Так гласят легенды, верно? Но он не вернётся к вам, если...

– Если что?

– Если вы не отправитесь за ним следом.

– За ним? Куда?

Фил пожал плечами:

– В Иштирию, куда ж ещё? Вы могли бы жить там с ним или стать королевой тут. – Он поднялся. – Я дам вам время подумать, ладно? Я сделаю вас королевой, взамен вы дадите мне кой-чего.

– Что именно?

– Скажу, коли мы договоримся, идёт? Через несколько дней приду за ответом.

Ванда не стала его задерживать: ей хотелось всё обдумать. Перед ней расстилались два пути; какой выбрать, она понятия не имела. Фил давно ушёл, а Ванда сидела, уставившись в никуда. Наконец она поднялась и спустилась в конюшню. Приказав оседлать кобылу, она прихватила несколько крепких слуг и понеслась к Бронзовым воротам. Скоро вечер, надо успеть. Выехав за городскую стену на дорогу к гавани, Ванда тут же повернула направо, к кладбищу. Арка серых камней слегка выступала над землёй, ступеньки вели вниз. Вход в склеп Ворнхолмов перекрывала плита, отодвигавшаяся благодаря особому механизму. Его секрет знали лишь она с Георгом. Ривенхеды, не имевшие такой защиты, лет десять назад обнаружили в своём склепе чей-то скелет, стены пришлось отскабливать от неприличных надписей, а склеп чистить от дерьма. Кроме того, воры ограбили несколько покойников. Теперь склеп Ривенхедов закрывался на замок.

Ванда приказала слугам отойти, нажала скрытый среди камней рычаг. Плита отъехала, Ванда вошла, подняв над головой чающую лампу. Она спустилась в подземный склеп, где выстроились саркофаги с предками Георга. Только один деревянный саркофаг – самый новый и нетронутый временем – принадлежал её семье. Он не был богато украшен – горцы не любили мишуры, – но Георг приказал раскрасить его в цвета герба Мэйдингоров – лазурный и серебристый. Она не собиралась тревожить покой отца – лишь попросить совета. Ванда коснулась крышки саркофага и заговорила. Она рассказала про Фила, про Макса, про Георга, потом замолчала и надолго задумалась. Покой внутри склепа нарушали странные шорохи: казалось, уши улавливают шёпот мертвецов. Ванде стало не по себе, но у неё осталось ещё одно дело.

Воровато оглянувшись, словно мертвецы могли увидеть её действия, она поставила лампу на деревянную крышку, наклонилась, начала рукой ковырять сырую землю. Пальцы быстро заболели – она огляделась в поисках чего-то подходящего. Кинжал на поясе помог, вскоре под слоем грунта показалось дерево. Она расчистила крышку небольшого ящика, который не так давно сама тут закопала. Ванда приоткрыла крышку и застыла. Голова Макса взирала на неё остатками сгнившей плоти и волос, обнажившимися костями черепа, пустыми глазницами и живыми червяками. Ничего знакомого не осталось от Макса. Перед ней лежали разложившиеся останки, а не мужчина, способный любить и ненавидеть.

Разговор с Филом рвал Ванду на части, она готова была пожертвовать собой ради Макса, но что в итоге? Вот это? Сделает ли пресловутая вода Макса таким, как прежде?

Ванда закашлялась от запаха разложения и захлопнула крышку. Она быстро прикопала её, притоптала землю ногами. Ей надо подумать. Надо... Ванду трясло, когда она садилась на Анхаль, всю дорогу до дома она лихорадочно прикидывала, что лучше: стать королевой или рискнуть отправиться в неизведанное в надежде вернуть Макса. Она почти задыхалась, когда служанки раздевали её перед сном, долго не могла заснуть: полная луна светила прямо в глаза, даже если она отворачивалась от окна. Ванда вертелась на постели, её бросало то в жар, то в холод. Потом она увидела его: Макс стоял на дороге посреди поляны, сзади бушевала река, скрытая туманом. Она откуда-то знала, что это и есть Черта, за которой начинается Иштирия. Макс улыбнулся знакомой улыбкой, блеснул белоснежными зубами. Она замахала ему рукой, он пошёл к ней. Она замерла, узнав знакомую походку Георга. Ванда присмотрелась и поняла: Макс вовсе не Макс. Наполовину это её муж, наполовину... Лицо Макса исказилось, начало гнить на глазах. Через минуту он улыбался беззубым ртом, пустые глазницы словно пытались её приворожить. Чудовище протянуло руки и коснулось её груди, Ванда заорала от страха и

проснулась. Перед глазами так и стоял Георг... Макс... Они оба в одном теле. Ванда вытерла пот, завернулась в одеяло. Её трясло, зубы стучали друг о друга, в груди была пустота. Мысль вернуть Макса такой ценой вызвала отвращение. Этой ночью – самой короткой в году – она окончательно поверила, что Макс мёртв и больше не вернётся. По крайней мере тот Макс, которого она знала. Никакая волшебная вода его не спасёт.

Нет, она не станет бросаться с головой в воды Марваги. Она не хочет отправляться на тот свет, чтобы обнаружить такое вот чудовище. Лучше уж пусть Фил избавит её от мужа и посадит на трон. «А зачем мне трон без Макса?» – вдруг подумала Ванда. Потом вспомнила Кэйрона: этот ублюдок заплатит за свои шутки и высокомерие. Я уберу его с дороги, я выпущу ему всю кровь до последней капли. Дайрус тоже заплатит за смерть Макса, как и Георг, а Марция... Ванда потрогала шрам на щеке: Марция никогда не будет больше приказывать ей! На троне Сканналии есть место только для одной королевы!

Глава 8. Неожиданные открытия

– Осторожнее, Ваше Величество! – Дайрус услышал крик сзади, но не оглянулся. Ему предстоит схватка с двумя противниками сразу, так что лучше не отвлекаться. Король остервенело махал мечом, не чувствуя усталости, хотя битва шла почти полдня.

К счастью, солдаты Кэйрона не рискнули остаться в Малгарде, не имевшем серьёзных фортификаций, а развернули войско на равнине на берегу Истры, между Малгардом и Шарским озером, куда впадала Истра. Они пытались загнать людей Дайруса в промежуток между западными городскими предместьями, озером и рекой, чтобы накрыть артиллерией, однако Дайрус велел оттягивать войско от города насколько возможно, ожидая подхода второй тысячи воинов, которые должны ворваться в город с востока.

Дайрус нанёс удар по очередному противнику и краем глаза заметил свой штандарт. Лев колыхался в воздухе, показывая врагам, с кем они имеют дело. Король впервые за много месяцев чувствовал себя живым. Хорошая драка – вот чего ему не хватало. На миг накатила тоска, напомнившая о последствиях предыдущей драки. Дайрус снова кинул лошадь в гущу сражения. До конца битвы ещё далеко, он не отступит, пока не возьмёт Малгард.

Битва закончилась к вечеру – город так и не сдался. Подкрепление запаздывало. Дайрус отправил людей подсчитывать потери, а сам с отрядом слуг и стражников во главе с Гордеем Иггсудом поехал на Шарское озеро. Оно находилось милях в пяти от Малгарда, на берегу стоял Варусский замок. Там никто не жил со времён Райгарда Второго. Айварих не любил резиденцию прежнего короля и держал её закрытой. Он пытался продать её Ривенхедам – те отказались.

Замок достался королю Райгарду от Чевиндомов как приданое жены Эммы – те владели им с давних пор, хотя большая часть земель в округе давно перешла во владение Ривенхедов. Здесь родился Дайрус, здесь умерла его мать. Во время войны в замке жили Катрейна и Анна Кройдом.

Варусский замок был невелик, но очень красив: его выстроили на длинном мысу, который вдавался в озеро – казалось, будто белокаменные стены стоят прямо на воде. Эффект усиливался благодаря тому, что крайнее помещение замка опиралось на огромную арку, уходившую под воду.

Раньше у замка имелись оборонительные стены – их давно снесли, оставив у основания мыса высокую квадратную белую башню со входом. Коническая серая крыша возвышалась над тремя этажами башни, смотревшими на гостей широкими окнами. Их сделали, когда перестраивали замок под резиденцию королей. Сейчас они выглядели негостеприимными. Деревья вокруг замка разрослись, за небольшим садиком, разбитым на месте бывшего рва, явно никто не следил.

Дайрус с любопытством оглядел длинный белоснежный двухэтажный фасад с потёками грязи, следами отколотых камней, узкими стрельчатыми окнами. Купол небольшой дворцовой церкви сиял позолотой – такие церкви давно не строили в Сканналии. Церковь была частью фасада и почти не выделялась на фоне стены, украшенной каменной резьбой, арочными проёмами и небольшими скульптурами. Узкая колокольня возвышалась над остальным зданием.

Дайрус ни разу сюда не приезжал. Ему предлагали привести замок в порядок, но денег не хватало – король отложил вопрос на будущее. Он и не представлял, что замок настолько запущен. Мысль остановиться тут, пока Малгард не взят, уже не казалась привлекательной. Дайрус задумчиво поглазел на стены и свернул к домику управляющего, примыкающему к задней стене замка.

Его встретил пожилой мужчина со слезящимися глазками и изувеченными артритом пальцами. Дайрус поморщился, потребовав ключи. Старик долго соображал, что к чему, долго

переспрашивал, кто они такие, потом так же долго разыскивал ключи, шаркая по дому и бормоча себе под нос. Два крупных пса носились следом, время от времени норовя попробовать на вкус икры короля. Дайрус зло отпихнул одного из псов и выхватил ключи, протянутые стариком. Тот разинул рот и замер, словно не зная, что делать дальше.

Внутри замок тоже выглядел заброшенным, нежилым. Небольшие комнаты покрылись пылью, свет почти не проникал сквозь грязные окна, укрытая тряпками мебель острыми углами проступала через грубую ткань. Шпалеры на стенах протёрлись до дыр, порой их края бессильно свисали вниз, изображения на иконах потемнели. Не лучше ли расположиться в лагере на берегу реки?

Гордей, видя недовольство короля, отдал приказ слугам прибрать в комнатах и приготовить что-нибудь поесть. Дайрус подошёл к окну, молча глядя на огни Малгарда, то затухавшие, то вновь появлявшиеся в подступающем сумраке.

У входа в комнату послышался шум, Дайрус недовольно обернулся. В полутьме он едва разглядел силуэт женщины, но её голос не узнать было невозможно. Высокий, резкий – он становился таким каждый раз, когда она повышала голос. «Откуда она взялась?» – раздражённо подумал Дайрус. Что могло случиться?

– Ваше Величество! – встрёпанная Илза Ривенхед протиснулась мимо растерянного Гордея, который поглядывал то на неё, то на короля. Взмахом руки Дайрус велел ему выйти. Илза тяжело дышала, её каштановые волосы рассыпались по плечам, костюм наездницы провонял лошадиным потом. Она что, прискакала из Корнхеда?

Илза, как и Эйвард, бежала из Нортхеда после его захвата Кэйроном и остановилась в Корнхеде. Они заняли отдельный дом недалеко от особняка Бадла. Эйвард редко выпускал сестру за порог. По мнению Дайруса, Илза совсем потеряла голову. Каждый раз, оказываясь в присутствии короля, она пыталась ластиться к нему, словно не понимая, где находится. Она искала с ним встреч, даже как-то едва не набросилась на Марцию, после чего Эйвард запер её в снятом доме. Илза не желала ничего слышать, отказывалась что-либо понимать, отправить же её восвояси Эйвард не мог из-за войны. Дайрус пожалел бы её, но она доставляла слишком много хлопот; он не знал, как от неё избавиться. И вот нате – явилась. Как она умудрилась миновать посты и опасные дороги?

– Ваше Величество, вы немедленно должны вернуться! – Илза кинулась ему на шею.

– Вернуться? Ты в своём уме? – Дайрус решил не церемониться и отцепил её руки. Он жутко устал, мечтал перекусить, завалиться спать, а тут эта идиотка! – Где твоя свита?

– Её нет, я одна приехала.

– Одна? – Нет, она точно свихнулась. Пятьдесят миль в одиночку во время войны? Как ей брат позволил? – Ты сбежала? – уточнил Дайрус. Неужели Эйвард не уследил?

– Я должна была, – прошептала Илза. Дайрус видел её горящие глаза. – Иначе вы опоздаете! – Она вцепилась в рукав его куртки, попыталась притянуть к себе.

– Опоздаю? К чему?

– Ваше Величество, только я верна вам, только я! Верьте мне, никто не скажет вам правду! Она вас обманывает! Они оба вам лгут, притворяются, смеются над вами...

– Кто? – машинально спросил Дайрус. Его не интересовал ответ, он хотел отвлечь её и добраться до двери, чтобы вызвать слуг. Пусть кто-нибудь позаботится...

– Ваша жена и племянник. Они предатели. Они обманывают вас... – Дайрус поневоле вслушался в невнятный лепет бывшей любовницы: – Я сама видела, все видели, как они запираются вдвоём, надолго, она так на него смотрит, как он смотрел на меня! Я его ненавижу, верьте мне, никогда не предаю вас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.